

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Материалы к научным конференциям
Выпуск 37

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев

КОМИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОТ ЭСЕРОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Материалы
к Международной научно-просветительской конференции
«Проблемы национальной безопасности России:
уроки истории и вызовы современности»

(XXIX Адлерские чтения)
Сочи (Адлер), 27–31 мая 2016 г.

Сыктывкар 2016

УДК 94:323.1(470.13) "19"(063)

ББК 63.3:66.3(2Рос.Ком)лО

Ж 59 Жеребцов

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. **КОМИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОТ ЭСЕРОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ.** Материалы к Международной научно-просветительской конференции «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности» (XXIX Адлерские чтения). Сочи (Адлер), 27–31 мая 2016 г. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 88 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 37).

ISBN 978-5-906394-31-6

В работе характеризуется деятельность активистов коми национального движения в начале XX в., приводятся биографические данные о ряде наиболее известных политических деятелей Коми края, имевших отношение к партии социалистов-революционеров.

Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН «Национальные элиты и проблемы политической и социально-экономической стабильности на Севере России (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

УДК 94:323.1(470.13) «19»(063)

ББК 63.3:66.3(2Рос.Ком)лО

Научный редактор к.и.н. А.Д. Напалков

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, М.А. Мацук, А.Г. Мусанов, А.А. Попов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Рецензенты

доктор исторических наук Е.Ф. Кринко
доктор исторических наук В.И. Меньковский

ISBN 978-5-906394-31-6

© Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., 2016

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2016

ВВЕДЕНИЕ

«Декларация прав народов России» – документ, принятый Советом Народных Комиссаров в ноябре 1917 г., на век вперед определила основы новой национальной политики Российской Федерации: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию бывшей Российской империи. Коми (зырянский) народ до революции не имел своей национальной государственности и был рассредоточен в основном по Архангельской и Вологодской губерниям.

В начале XX столетия на Европейском Северо-Востоке Российской империи располагались Печорский уезд Архангельской губернии, Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии, населенные в основном коми (зырянами), русскими и ненцами и условно называемые в региональной историографии Коми (Зырянским) краем (современные территории Ненецкого автономного округа Архангельской области, южной части Архангельской области и Республики Коми). Общая площадь этих северо-восточных уездов России составляла 455779,9 кв. верст, что в несколько раз превышало площадь любой европейской губернии страны (за исключением Архангельской и Вологодской) и составляло около 50% территории Архангельской и Вологодской губерний. Наиболее обширным по территории был Печорский уезд, образованный в 1891 г., его территория составляла 256000,0 кв. верст, здесь размещались 16 волостей, 207 деревень, сел, выселков и починков (вся площадь Архангельской губернии из девяти уездов насчитывала 748050,7 кв. верст). Площади Усть-Сысольского и Яренского уездов составляли соответственно 148775,3 и 51004,6 кв. верст – это были самые большие по территории уезды Вологодской губернии.

По данным Первой всеобщей переписи населения России 1897 г., в Печорском уезде проживало 35 296 чел., плотность населения составляла 0,1 на кв. версту. В Усть-Сысольском уезде численность населения составляла 95 380 чел. (из них городского 4 463), плотность населения составляла 0,6 на кв. версту. В Яренском уезде проживало 47 038 чел. (из них городского 991), плотность населения составляла 0,9 на кв. версту. В Печорском уезде городов не было, в уездном центре, с. Усть-Цильме, на момент переписи проживало 2 100 чел. (в обиходе село называлось городом, поскольку по числен-

ности населения не уступало некоторым уездным городам Архангельской и Вологодской губерний). В 1912 г. численность населения Печорского уезда достигла 48 648 чел. Самой населенной являлась Усть-Цилемская волость, здесь в 1912 г. обитало 9 919 чел. В уездных центрах Усть-Сысольске и Яренске обитало 4 463 и 991 чел. соответственно. В 1912 г. в Усть-Сысольске проживало 6 268, Яренске – 1 427 чел. Прирост населения был медленным, в 1904–1905 гг. в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 96 346, а в Яренском – 49 427 чел.; в Печорском уезде прирост шел быстрее, в 1905 г. здесь проживало 40 084 чел.

В национальном отношении коми (зыряне) составляли большинство населения европейского северо-востока. На рубеже XIX – XX вв. в Печорском уезде 62,79% составляло комязычное население, русских насчитывалось 29,25%, ненцев – 7,9% (кочевники-ненцы были приписаны к Пустозерскому, Усть-Цилемскому и Ижемскому обществам). В Усть-Сысольском уезде 92,32% сельского населения признавали родным коми (зырянский) язык. В Яренском уезде было 68,9% комязычного и 30,9% русскоязычного населения. Несмотря на довольно развитую школьную сеть в уездах, где преподавание велось на русском языке, большинство коми населения в начале XX в. плохо или совсем не понимали русский язык, что признавали многие партийные функционеры в период агитационно-пропагандистских кампаний, а судебные дела вплоть до середины 1920-х гг. с участием коми крестьян велись через переводчиков. Такая же примерно ситуация была и в ненецкоязычной среде.

Абсолютное большинство населения (93%) составляли крестьяне, принадлежащие российскому императору (государственные крестьяне). Из других сословий в конце XIX – начале XX в. в Усть-Сысольском и Яренском уездах можно выделить мещан (4 067 чел.), духовенство (1 855 чел.), дворян (539 чел.), купцов (315 чел.) и др. Местная интеллигенция была крайне малочисленной, в основном русскоязычной, не интересовалась национальными проблемами коренных народов региона. В целом, европейский северо-восток России условно можно назвать крестьянским краем. В экономическом отношении здесь довлело мелкое крестьянское хозяйство. Основным землевладельцем выступало государство. В 1905 г. в Усть-Сысольском уезде 99,2% всей земли принадлежало казне и церкви, 0,5% – частным владельцам, 0,3% составляли крестьянские наделы. В Яренском уезде казенные и церковные земли насчитывали 98,7% всей земельной площади, 0,1% находился в частном владении и 1,2% составляли крестьянские наделы. В Печорском уезде наблюдалась примерно такая же картина. Крестьянские земли находились в общемпользовании.

Малоземелье, не развитая сельскохозяйственная культура, плохие климатические условия и отсюда слабая урожайность не обеспечивали населе-

ние достаточным прожиточным минимумом. Как правило, не хватало прежде всего хлеба (особенно в Печорском уезде), что создавало социальную напряженность и вызывало дополнительные политические коллизии в регионе. В 1902 г. администрация Вологодской губернии признавала, что «в трех северо-восточных уездах – Сольвычегодском, Яренском и Усть-Сысольском – за непроизводством до сего времени земельно-устроительных работ крестьяне пользуются своими угодьями в тех границах, которые были установлены во время генерального межевания, более столетия тому назад; поэтому они подвержены всем лишениям с полной земельной необеспеченностью. Имея вокруг себя совершенно свободные казенные земли, крестьяне означенных уездов вследствие безземелья получают от хлебопашества только половину необходимого для пропитания хлеба, а потому вынуждены переселяться в сибирские губернии, или же снискивать себе средства к существованию отхожими промыслами...».

В начале XX в. капитализация сельского хозяйства ускорилась; усилилось расслоение крестьянства. Все большую роль приобретали неземледельческие промышленно-ремесленные отхожие промыслы (лесозаготовки, отход на уральские горные заводы, извоз, мелкие кустарные мастерские и т.д.), благодаря которым крестьянство активней втягивалось в рыночные отношения. Соответственно, менялась мировоззренческая природа северного крестьянина, в частности, он все больше интересовался общественно-политической жизнью страны, вовлекался в социально-политические процессы. Промышленность на европейском северо-востоке представляли Кажымские горно-металлургические (Кажымский, Ньючимский и Ньючпаский) заводы в Усть-Сысольском уезде, Сереговский солеваренный завод в Яренском уезде, лесозавод «Стелла Поларе» (на территории современного г. Нарьян-Мар) и Ухтинский нефтеприиск в Печорском уезде. Заводская промышленность была оснащена устаревшим оборудованием, являлась мало-мощной и неконкурентоспособной на российском рынке. В 1902 г. на Кажымских горно-металлургических заводах работали 1 366 чел., большая часть которых была занята на вспомогательных работах. В 1905 г. на Сереговском сользаводе работали 80 чел. В начале XX в. на лесозаводе «Стелла Поларе» имелось около 100 рабочих постоянного состава, в 1913 г. здесь работали 1040 крестьян-отходников.

Разработка полезных ископаемых на Севере до революции велась слабо. В 1905 г. возникло «Северное нефтепромышленное Товарищество на вере А.Г. Гансберг, А.П. Корнилов и К°», юридически оформленное в 1909 г. и начавшее нефтеразработки на реке Ухте. В 1906 г. началось строительство небольшого Ухтинского керосинового завода, первая продукция которого появилась в 1915 г. Тяжелые условия труда и мизерная заработная плата автоматически выводили немногочисленный пролетариат в наиболее активный

социально-политический элемент трудящихся масс европейского северо-востока России. Несмотря на малочисленность рабочих, именно в их среде в годы первой российской революции сложилась самая мощная партийная организация Коми края – эсеровская (Партии социалистов-революционеров (ПСР)). В целом, Коми край до революции 1917 г. можно назвать «эсеровской территорией» – практически все общественно-политические деятели этого периода и крестьянская масса придерживались взглядов ПСР.

В административно-управленческом отношении европейский северо-восток России был разделен между двумя губернскими центрами (Архангельском и Вологодой), что не способствовало, например, национальной консолидации коми народа. В начале XX в. российское государство полностью игнорировало национальные проблемы северных «инородцев» (коми и ненцев), что создавало дополнительный импульс социально-политическим процессам в регионе. В итоге, европейская северо-восточная периферия России, по площади не уступающая Франции, являлась слабозаселенной территорией, слабо развитой в экономическом и культурном отношении и представляла собой типичную национальную окраину империи, практически лишенную каких-либо национальных прав.

Литература и источники

Жеребцов И.Л. Динамика населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1987. 20 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 161).

Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. 22 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 220).

Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 38 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 320).

Жеребцов И.Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. 20 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 360).

Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 28 с.

Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 28 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 326).

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001. 40 с.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. 48 с.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми: научно-популярные очерки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 288 с.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 368 с.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 344 с.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 36 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 429).

Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 430 с.

История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1. 560 с.

Традиционная культура народа коми (этнографические очерки). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994.

ЭСЕР П.А. СОРОКИН, «ТОВАРИЩ ИВАН»

Уроженец Коми края, широко известный ученый-социолог, эсер П.А. Сорокин в 1917 г. так высказывался об идее о национальной автономии в своей работе «Автономия национальностей и единство государства»: «... в применении же к России необходимость национальной автономии (самоуправления) требуется с особенной силой. Все мы знаем, что наша родина обширна; раскинулась она на громадное пространство. Народностей в ее составе множество. Знать одновременно, что нужно для Сибири и для Западного края, каковы, скажем, нужды бурят и нужды армян, что необходимо для мордвы и для украинцев, короче - знать нужды всех народов России не может никакое правительство, будь оно умнейшим из умных. А раз оно плохо знает потребности отдельных народностей, оно не может хорошо управлять ими. В этом управлении из центра неизбежными будут ошибки, издание плохих законов и т.д. Помимо того, при обширности территории России, никакое центральное правительство не будет поспевать за жизнью и принимать те или иные меры в свое время. На каждый шаг тогда потребуется разрешение центрального правительства... Гораздо лучше поэтому, если местные национальные дела будут решаться тут же на месте местными выборными людьми».

Питирим Александрович Сорокин являлся самым крупным политиком из числа уроженцев Коми края. Он родился 23 января (4 февраля) 1889 г. в коми селе Турья на Выми (Яренский уезд Вологодской губернии). Его отец был русским мастеровым из Устюга, мать – коми крестьянкой из с. Жешарт. У П. Сорокина было два брата, старше и младше его. После окончания в 1901 г. церковно-приходской школы в с. Палевицы он поступил в новую, только что открывшуюся второклассную школу в с. Гам на нижней Вычегде, после окончания которой Сорокин в 1904 г. по протекции местного учителя А.Н. Образцова был направлен в церковно-учительскую семинарию, находившуюся в с. Хреново Костромской губернии. Сорокин вспоминал, как «чувствовал себя чужаком», покинув Коми край: «Ощущение чужеродности сохранялось некоторое время по приезде в Хреновскую школу... Я, одетый в домотканые вещи, с манерами, лишенными городского лоска, выглядел и чувствовал себя деревенщиной, что давало повод некоторым людям в школе относиться ко мне соответственно моему виду».

Но постепенно он втянулся в суматошную жизнь семинарии и расположенных поблизости промышленных городов, стал тесно общаться с учащимися и преподавателями семинарии, «встречался с самыми разными людьми: крестьянами, фабричными рабочими, служащими, духовенством,

правительственными чиновниками, врачами, писателями, журналистами, предпринимателями, руководителями местных кооперативов и представителями различных политических партий – социалистами-революционерами, социал-демократами (большевиками и меньшевиками), монархистами, анархистами, либералами и консерваторами всех оттенков», интенсивно читал книги, журналы и газеты, незнакомые ему ранее, «впитал много новых идей и ценностей, узнал состояние общества».

«Новая идейная позиция, занятая мной, укрепилась в результате русско-японской войны 1904 г. и особенно бури народного гнева, вылившейся в революцию 1905 г.» (из автобиографической книги П.А. Сорокина «Долгий путь»). Село располагалось «примерно в 25 верстах» от Иваново-Вознесенска. Во время первой русской революции там и в окрестных рабочих поселках развернулись бурные события. Семинаристы оказались быстро вовлечены в них. В той же семинарии почти одновременно с Сорокиным (курсом младше) учился Н.Д. Кондратьев – будущий крупнейший российский экономист, пользовавшийся мировой известностью и репрессированный в 1930-х гг. по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии». Будущие социолог и экономист тесно сдружились. П.А. Сорокин, увлекшийся «республиканскими, демократическими и социалистическими» идеями и, по его собственным словам, «превратившийся в активного агитатора за свержение царизма и руководителя отделения социалистов-революционеров в школе (семинарии. – *Авт.*) и округе», привлек Кондратьева заниматься общественно-политической деятельностью.

Сорокин примкнул к ПСР, поскольку, по его мнению, «в отличие от социал-демократов, эсеры были партией всех трудящихся – крестьян, рабочих и людей умственного труда. В противоположность марксистскому материализму и взглядам на человека и на историю общества сквозь призму первичности экономических интересов, философия и социология социал-революционной партии были намного более идеалистичны или, точнее, целостны. Эсеровские взгляды отводили большую роль в социальных процессах и человеческом поведении таким важным неэкономическим факторам как созидательные идеи, личностные усилия, «борьба за индивидуальность» вместо марксистской «борьбы за существование». Мое прежнее мироощущение было более созвучно этому, чем «пролетарской», «материалистической», «экономической идеологии марксистских социал-демократов. Духовной близостью и объясняется, почему я выбрал именно партию социал-революционеров и почему на протяжении всей последующей жизни не имел ничего общего с марксизмом».

«Став ревностным социал-революционером», П.А. Сорокин занимался агитационной работой «среди студентов, рабочих и крестьян близлежащих деревень» и в конце 1906 г. был арестован. Обстоятельства своего первого

ареста он описывал так: «Вечером первого дня рождественских каникул 1906 года я отправился на запланированную встречу с одной из моих рабоче-крестьянских групп. Добравшись до дома, где должна была произойти сходка, я обнаружил его тихим и темным. Несмотря на определенные сомнения, я осторожно открыл дверь... и был немедленно скручен и арестован несколькими полицейскими. Хотя я ожидал, что рано или поздно меня схватят за революционную деятельность, все же первый арест поверг меня в шоковое состояние». Сорокина отвезли в тюрьму в г. Кинешма и «бросили в камеру, где деревянные нары кишели вшами».

Впрочем, уже на следующий день его «бытовые условия» значительно улучшились: начальник тюрьмы перевел его в камеру получше, да еще и предложил семинаристу пользоваться телефоном в его кабинете. К тому же дверь камеры днем не закрывалась, и П.А. Сорокин мог свободно посещать других политзаключенных, которые тепло его приняли, обсуждал с ними политические, социальные и философские проблемы. Беседовал он и с уголовными преступниками. Товарищи по семинарии приносили еду, сигареты, книги (научные труды Дарвина, Спенсера и др., работы теоретиков социализма и анархизма). В общем, как признавал сам Питирим Александрович, «политическое заключение оказалось далеко не столь болезненно и пугающе», как он представлял. «Фактически мы, политические заключенные, превратили тюрьму в безопасное место для хранения революционной литературы и за плату пересылали через охранников на волю письма другим революционерам».

Отсидев три месяца, П.А. Сорокин был освобожден под гласный надзор полиции (это означало, что полицию следовало регулярно информировать о роде своих занятий и местожительстве). Этим репрессии и ограничились. Сам Сорокин признавал, что «царский режим становился довольно гуманным». Вполне вероятно, что если бы оправдались опасения Сорокина относительно «долгого тюремного заключения», «возможной ссылки в Сибирь» и «других далеко не радужных перспектив», то это отвратило бы его от дальнейшей революционной борьбы, да и научной карьеры он бы, пожалуй, не сделал. Но «гуманизм режима» дал Питириму Александровичу возможность «продолжать в том же духе», и он не преминул этим воспользоваться. Правда, из семинарии Сорокина исключили. Но «в своем революционном пылу» он «не хотел теперь становиться благонадежным студентом или старательным служащим в какой-нибудь конторе» и, удовлетворяя свои «революционные настроения», решил перейти на нелегальное положение и «стать ходяком-агитатором среди фабричных рабочих и селян, т.е. распространять эсеровские идеи и организовывать революционные ячейки и группы» по заданиям местного отделения партии эсеров.

Несколько месяцев Сорокин занимался подпольной политической деятельностью в Иваново-Вознесенске и других городах под псевдонимом «товариш Иван»: «выступал на революционных митингах, организовывал и структурировал партийные ячейки среди интеллигенции, фабричных рабочих и сельских жителей, участвовал в дебатах и диспутах между представителями различных партий, писал политические листовки, которые размножались и распространялись среди населения». Во время одного из митингов, происходившего на берегу Волги близ Кинешмы, произошли ожесточенные столкновения с полицией, погибли два рабочих и полицейский, многие были ранены. О «товарище Иване» стало хорошо известно, и за ним началась охота. Несколько раз Сорокин, по его словам, избежал ареста благодаря помощи «симпатизирующих рабочих, крестьян и интеллигентов», которые прятали его в опасных ситуациях. Но в конце концов «постоянные опасности, напряжение и трудности такого образа жизни начали сказываться», «здоровье стало резко ухудшаться, энергия ослабла, ушло душевное равновесие», а арест в случае продолжения подпольной работы в Поволжье стал неизбежным. Так, во всяком случае, утверждал сам Питирим Александрович. Но не исключено, что он в своей автобиографической книге несколько преувеличивает и свою «революционную активность», и грозившие ему опасности. Как бы то ни было, летом 1907 г. Сорокин уехал в Коми край в д. Римья, где жили его родственники, а в сентябре того же года отправился в Петербург. На посту лидера эсеровского кружка в Хреново его сменил Н.Д. Кондратьев. Летом 1907 г. Кондратьева тоже исключили, он уехал в Петербург, учился там несколько лет, причем снимал жилье вместе с П.А. Сорокиным, а в предреволюционные годы, видимо, вернулся в Хреново.

В столице П. Сорокин устроился работать репетитором и благодаря помощи жившего там коми ученого К.Ф. Жакова в 1907 г. поступил на общеобразовательные Черняевские курсы. Подготовившись там к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, Сорокин в 1909 г. отправился в Устюг, где и сдал экзамены. После этого он вернулся в Петербург и осенью того же года стал студентом Психоневрологического института, в 1910 г. перевелся в Петербургский университет (на юридический факультет). Вероятно, под влиянием К.Ф. Жакова, с которым он побывал в нескольких экспедициях по Коми краю (первая из них состоялась в 1908 г.), П.А. Сорокин заинтересовался этнографией, собирал материалы по материальной культуре коми (одежде, поселениям, жилищам и т.п.), обычаям, семейному быту, верованиям, опубликовал несколько статей на эту тему («Рыг-пукалом. Рассказ из жизни северной деревни», «Пестрое кружево», «Современные зыряне», «К вопросу об эволюции брака у зырян» и др.) в газетах и изданиях Архангельского общества изучения Русского Севера и Вологодского общества изучения Северного

края. Он справедливо отмечал, что «работа... в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу».

Не оставлял Сорокин и политики. Еще в период учебы на Черняевских курсах у него «установились личные взаимоотношения с некоторыми лидерами эсеров, социал-демократов и кадетов, и я вновь начал культурно-просветительскую работу среди рабочих Путиловского и других заводов», – вспоминал он в автобиографической книге. Правда, это была именно культурно-просветительская, а не агитационно-пропагандистская работа, о чем писал и сам Сорокин: «В действительно демократическом обществе такая деятельность рассматривалась бы как обычная работа на ниве образования для взрослых и популяризации позитивистских, прогрессивных и социалистических взглядов. Для загнивающего самодержавия все это было «революционной» и «подрывной» активностью». Став студентом, Пителир Александрович продолжал ту же деятельность. Он вспоминал: «Свои политические обязательства мы выполняли в виде «подрывной» просветительской работы среди рабочих, студентов и других социальных групп. Такую работу, за которую не получали ни копейки, а лишь рисковали быть арестованными и приговоренными к тюремному заключению царскими властями, мы считали важным нравственным и политическим долгом каждой «критически мыслящей и морально ответственной личности», используя популярное выражение П. Лаврова, одного из главных идеологов партии социалистов-революционеров».

Еще более активно П.А. Сорокин стал участвовать в политической жизни страны в университетский период. Социолог, историк, правовед М.М. Ковалевский, один из лидеров либеральной Партии демократических реформ, депутат I Государственной думы, член Государственного Совета, и профессор-юрист Л.И. Петражицкий, один из руководителей партии кадетов, познакомили его «со многими государственными деятелями, членами Думы и руководителями консервативных и прогрессивных политических партий», среди которых был и будущий премьер-министр Временного правительства А.Ф. Керенский, возглавлявший тогда партию трудовиков. Контакты П.А. Сорокина с социалистами-революционерами крепили и развивались. «“Подрывные” лекции, политические дискуссии и общественная работа среди заводских рабочих, студентов и интеллигенции» дополнились политической публицистикой (Сорокин «начал печатать как в элитарных, так и популярных проэсеровских периодических изданиях» типа «Русского богатства» и «Заветов» политические статьи) и деятельностью по организации ячеек и групп социалистов-революционеров. За Сорокиным, едва перешагнувшим 20-летний рубеж, закрепилась репутация «заметного идеолога и молодого лидера эсеровского толка». Это, впрочем, не мешало ему тесно контактировать и даже дружить со студентами-социал-демократами, среди которых были видные позднее большевики Г.Л. Пятаков и Л.М. Карахан.

Старший брат П.А. Сорокина Василий, уехавший из Коми края работать в Петербург, также являлся социалистом-революционером; в 1908 г. он был арестован и выслан в Сибирь. Питирим Сорокин счастливо избегал ареста и тюрьмы в течение почти всей петербургской жизни; о том, что он и есть пресловутый поволжский «товарищ Иван», полиция не подозревала. Правда, однажды во время дружеской попойки Сорокина, еще первокурсника, задержали и вместе с приятелями препроводили в полицейский участок, однако, очевидно, не по политическим мотивам, а из-за нарушения общественного порядка. «Будучи в приподнятом настроении (частично благодаря пиву и водке, выпитым на вечеринке) и не питая никакого уважения к представителям гнивающей власти, мы решительно отказались отвечать на вопросы полиции и начали петь и плясать так шумно, что полицейский начальник вскоре заорал на нас: «Вон из участка, вон отсюда!», что мы тут же и сделали, продолжая сотрясать улицы пением» (из автобиографии П.А. Сорокина).

Реальная угроза ареста именно за революционную деятельность возникла после смерти Л.Н. Толстого (20 ноября 1910 г.) и вспыхнувших вслед за ней и продолжавшихся несколько недель студенческих беспорядков, одним из зачинщиков которых являлся, по собственному утверждению, и П.А. Сорокин. «Не имея никакого желания снова идти под суд, – писал Питирим Александрович, – я принял необходимые меры, чтобы избежать этой опасности – ночевал у друзей, приходя к себе в комнату только на несколько минут, когда условный знак показывал мне, что за квартирой нет слежки и что меня не ждет засада». В январе 1911 г. в комнате Сорокина был произведен обыск, не давший никаких результатов, и вслед за этим он с фальшивым паспортом уехал сопровождать больного туберкулезом товарища из Петербурга сначала в Подолию, затем через Австрию и Швейцарию в Италию, посетив, между прочим, и знаменитое казино в Монте-Карло, и вернулся в Петербург после того, как прошел пик студенческих волнений, а с ним и повышенная активность полиции.

Недолго отдохнув за рубежом, П.А. Сорокин продолжил заниматься общественно-политической деятельностью. Во всяком случае, по данным исследователей П.П. Кротова и А.В. Липского, с 1912 г. полиция вела за ним наблюдение. Эти же авторы сообщают, что Сорокин контактировал с коми депутатом Государственной думы Д.Я. Поповым, а через него – с думской фракцией эсеров. В начале 1913 г. социалисты-революционеры решили отметить 300-летие царствования Дома Романовых организацией однодневной забастовки на предприятиях и в учебных заведениях. По словам П.А. Сорокина, он «по предложению партии эсеров» «согласился написать критический памфлет о преступлениях, ошибках и упущениях в управлении страной этой династии». Провокатор донес о затее социалистов-революционеров полиции, и 10 февраля 1913 г. несколько партийных активистов оказались за ре-

шеткой. Сорокин вспоминал: «Жандармы посадили меня в чистую и весьма комфортабельную камеру, если вообще тюремная камера может быть «комфортабельной». После обычных допросов я обвыкся...».

Вскоре, 24 февраля, его освободили «под нажимом М.М. Ковалевского и других влиятельных персон, депутатов Государственной Думы и членов Государственного Совета». Это может свидетельствовать как о том, что П.А. Сорокину относительно хорошо удавалась конспирация и сокрытие улик, так и о том, что он на самом деле не играл столь активной и значительной роли в эсеровском движении, как описывает в своих воспоминаниях. Во всяком случае, в письме М.М. Ковалевскому, написанном из тюрьмы с просьбой о помощи, Пителим Александрович утверждает, что этот арест – «печальное недоразумение», и что он настолько занят наукой, что ему «мудрено еще заниматься политикой»; «неужели же ни за что ни про что сидеть...». Да и отсутствие в автобиографическом «Долгом пути» указаний на какую-либо конкретную политическую деятельность Сорокина со времени его освобождения в 1913 г. до Февральской революции 1917 г. (хотя автор и утверждает, что «вернулся к прежним занятиям на следующий же день» после выхода из тюрьмы, «счастливый и полный энергии») наводит на мысль, что политическая составляющая в жизни Пителима Александровича в дореволюционные годы была отнюдь не столь значительной, как кажется по его воспоминаниям.

В 1914 г. П.А. Сорокин закончил университет, был оставлен там для подготовки к получению профессорского звания. Осенью 1916 г. он сдал необходимые экзамены, стал приват-доцентом университета, готовился к защите магистерской диссертации, намеченной на 1917 г., но революционные события помешали этому осуществиться. Зимой 1916–1917 гг. П.А. Сорокин писал: «Мы на пороге революционной бури. Авторитет царя, царицы и правительства ужасно низок. Поражение русских армий, нищета, недовольство масс неминуемо вызовут новый революционный взрыв». «Политики всех партий, интеллектуалы всех направлений мысли, умственно и нравственно обанкротившаяся знать занята бесконечными политическими дискуссиями и проектами». Пителим Александрович, по его воспоминаниям, «активно участвовал в дискуссиях и строил планы нового конституционного устройства России, основных социальных реформ, необходимых после падения режима, и наиболее разумных действий в связи с мировой войной». Некоторые из этих проектов ему довелось попытаться реализовать после Февральской революции.

Пожалуй, именно в 1917 г. П.А. Сорокин самым активнейшим образом включился в политическую деятельность и, действительно, сделался заметной личностью. В первые же дни он побывал в Думе, на заседаниях Петроградского Совета, даже выступил там, стал сотрудничать с А.Ф. Ке-

ренским, занявшим пост министра юстиции во Временном правительстве, участвовал в организации собрания «старых членов партии социалистов-революционеров», в котором участвовали «двадцать или тридцать проверенных и испытанных лидеров» и на котором Сорокин, по его словам, «сумел провести резолюцию о поддержке правительства». Затем та же группа организовала газету «Дело народа», членом редакции которой (одним из пяти редакторов) был избран П.А. Сорокин. Его соратником по газете был А.И. Гукровский, впоследствии – член архангельского правительства Н.В. Чайковского. 22 марта П.А. Сорокин участвовал в петроградской конференции социалистов-революционеров, на которой отстаивал позиции правого крыла партии, но оказался в меньшинстве, ушел с конференции, вышел из редакции газеты «Дело народа» и вместе с А.И. Гуковским, В.М. Черновым и др. стал издавать правоэсеровскую газету «Воля народа», являлся одним из ее редакторов. В редакции газеты ему довелось тесно пообщаться с видными европейскими политиками – лидерами Бельгийской рабочей партии Э. Вандервельде и Л. Де Брукером, французским министром и послом в России А. Тома, будущим президентом Чехословакии Т. Масариком (особенно произошло ему через пять лет последнее знакомство).

Деятельно занимался Сорокин и организацией 1-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов. В ходе его подготовки весной 1917 г. он побывал в Великом Устюге «по просьбе крестьян и других жителей этого региона», выступил там на митинге. «Моя речь подняла патриотический энтузиазм. Сотни людей подписались на государственный заем «свободы», выпущенный правительством, чтобы поправить дела в экономике. Многие крестьяне, приехавшие в город продавать зерно, бесплатно сдавали его на нужды армии. Похожий триумф ждал меня и на митинге учителей, и среди жителей трех соседних сел», – с удовлетворением вспоминал Сорокин. Съезд состоялся в Петрограде в конце мая – начале июня 1917 г. Для участия в нем приехали около тысячи крестьян-землевладельцев из российской глубинки и солдат с фронта. Сорокин участвовал в его работе активнейшим образом, был избран членом исполкома и делегатом Особого Совещания по выработке Закона об Учредительном собрании.

Побывал на съезде и В.И. Ленин. О его выступлении П.А. Сорокин в автобиографической книге написал так: «...Ленин появился на съезде. Забравшись на трибуну, он драматическим жестом скинул плащ и начал говорить. В лице этого человека было нечто, напоминавшее религиозных фанатов-староверов. Он плохой и скучный оратор. И его усилия поднять энтузиазм по отношению к большевикам оказались абсолютно ничемными. Его речь была принята холодно, сам он, его личность, вызывали враждебность аудитории, и после выступления он ушел в явном замешательстве». В той же книге о Ленине Питирим Александрович говорил: «Хотя он и был плохим ора-

тором, мне казалось, что этот человек далеко пойдет... потому, что он был готов и настроен поощрять все то насилие, преступление и непристойности, которым чернь в этих безнравственных условиях готова была дать волю».

Во время большевистского выступления 3–4 июля 1917 г. П.А. Сорокин присутствовал на совместном заседании Совета рабочих и солдатских и Совета крестьянских депутатов, на котором отвергли ультиматум большевиков о низложении Временного правительства. Сорокин вспоминал, что на улице его узнали: «Я был окружен толпой и в лицо мне полетели опасные вопросы и яростные угрозы. Я пытался объяснить толпе, что... требования большевиков абсурдны, ...что в результате их неводержанности могут случиться большие беды. Но я говорил не с толпой, а с чудовищем. Глухой ко всем резонам, помешавшийся от ненависти и слепой злобы, этот монстр просто выкрикивал идиотские лозунги большевиков». После провала большевистского выступления Временное правительство возглавил А.Ф. Керенский. П.А. Сорокину предложили занять пост при Временном правительстве. Выбирая между помощником министра внутренних дел, директором телеграфной службы и секретарем А.Ф. Керенского, Питирим Александрович после раздумий остановился на последней должности.

30 июля 1917 г. открылся вологодский губернский съезд партии социалистов-революционеров, на котором были представлены 19 партийных организаций. Председателем съезда избрали П.А. Сорокина, прибывшего на съезд в качестве представителя Велико-Устюжской организации ПСР. На съезде Сорокин выступил с двумя докладами: «Доклад о Законе по выборам в Учредительное собрание», «Современный момент и задачи партии социалистов-революционеров». Между прочим, для себя лично о «Законе по выборам в Учредительное собрание» П.А. Сорокин летом 1917 г. высказался таким образом: «Проект закона очень демократичен, предусматривает полное и пропорциональное представительство всего населения. Но мне кажется, что он годится для современной России так же, как вечернее платье для прогулки на лошади». Впрочем, на съезде он, надо полагать, высказывался иным образом. Вполне вероятно, что на губернном съезде присутствовал и Д.А. Батиев (как один из лидеров яренских эсеров, представленных на съезде), и именно тогда и могло произойти их знакомство. Сам Батиев писал, что «идеологическому влиянию», которое оказал на него Сорокин, «способствовало» «личное знакомство с ним в первые годы революции».

В Учредительном собрании семь депутатских мест было выделено Вологодской губернии. В ходе избирательной кампании между партией социалистов-революционеров и Советом крестьянских депутатов было достигнуто соглашение по списку кандидатов № 1: двух кандидатов выдвигает партия, одного – рабочие-эсеры, четверых – крестьяне. Губернский съезд ПСР выдвинул двух кандидатов – С.С. Маслова и П.А. Сорокина. Уездные

съезды крестьян должны были выдвигать своих кандидатов. Уездный съезд Советов крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда поначалу выдвинул свою кандидатуру (С.О. Латкин), но затем по каким-то причинам решил поддержать кандидатуру уже выдвинутого П.А. Сорокина. Так же поступил Яренский уездный съезд крестьян. В августе 1917 г. вологодский губернский крестьянский съезд признал, что П.А. Сорокин официально является кандидатом губернской организации ПСР. Решения уездных съездов крестьян Усть-Сысольского и Яренского уездов юридически не были оформлены.

Среди тех, кто агитировал за Сорокина во время предвыборной кампании, был и Д.А. Батиев. Он ездил по уезду и призывал жителей выбирать в Учредительное собрание эсеров и их представителя П.А. Сорокина. К его розвальням был прикреплен плакат: «Коми народ, не забывай своего Питирима!». Возможно, в этот период Батиев воспринял некоторые идеи П.А. Сорокина, связанные с установлением равноправия и осуществлением автономии национальностей, изложенные в изданной в 1917 г. работе «Автономия национальностей и единство государства». В Усть-Сысольском уезде деятельное участие в избирательной кампании эсеров по выборам в Учредительное собрание принимали Мария Ивановна Йоль (Безносова), впоследствии вступившая в компартию, занимавшая руководящие посты в Коми области, и первая коми детская писательница Агния Андреевна Суханова. На крестьянском сходе в Корткеросе А.А. Суханова резко критиковала большевиков, говоря: «Большевики, как голодный человек, который неделю не ел, увидев хлеб, сразу набросятся, сожрут и подохнут». После установления Советской власти в крае политической деятельностью она не занималась. Доверенным лицом Сорокина в Усть-Сысольском уезде был Н.Г. Кононов, мельник из с. Гарья.

В ноябре 1917 г. население Вологодской губернии избрало Сорокина депутатом Учредительного собрания. Питирим Сорокин и партия эсеров одержали на выборах в Яренском уезде полную победу, получив 87% голосов; в Гапе, где когда-то учился Сорокин, за списки эсеров проголосовали 316 человек, а за четыре списка остальных партий (в том числе социал-демократов) – всего 25... Сорокин вспоминал, что они с друзьями в полугодном Петрограде отметили победу «в высшей степени экстравагантным банкетом. Каждый съел кусочек хлеба, половинку сосиски, консервированные персики и выпил чай с сахаром».

Пока готовились и проводились выборы Учредительного собрания, обстановка в стране накалялась. Еще в сентябре 1917 г. в Петрограде, перед открытием Демократического совещания (в нем участвовали представители ряда партий, Советов, профсоюзов, местных органов самоуправления, кооперативов и т.д.; обсуждались вопросы о положении в стране, о власти) Сорокин заявил: «Страна приближается к полной анархии, и у меня нет уве-

ренности в благополучном исходе. Мы продолжаем упиваться словами, резолюциями, закрыв на всё глаза... Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил... Масса уже хочет не слова, а хлеба... Как царский режим пал благодаря экономике, так же падет благодаря экономике и новый строй...».

Слова эти оказались пророческими. 25 октября 1917 г. в столице Российской республики (провозглашенной 1 сентября) произошел переворот. Сорокин побывал у Зимнего, окруженного большевистскими отрядами, затем в Мариинском дворце, где располагался Совет республики, а потом отправился в свою газету, где «написал первую свою статью о победителях, клеймя их как убийц, насильников, бандитов и грабителей, и подписал ее полным именем, невзирая на протесты моих коллег и даже наборщиков», опасавшихся за его жизнь. «Мы все сейчас так или иначе смотрим в лицо смерти». Эта и еще одна статья П.А. Сорокина («Победителям» и «Во власти преторианцев») с резкой критикой действий большевиков были опубликованы в «Воле народа» на следующий день после переворота. «Моя статья имела такой успех, что тираж этого выпуска нам пришлось увеличить в три раза против обычного», – вспоминал П.А. Сорокин. Но за популярность пришлось платить: опасаясь ареста, Сорокин не ночевал дома и отрастил усы и бороду.

На 28 ноября (11 декабря) 1917 г. было назначено открытие Учредительного собрания. В Петрограде состоялась демонстрация в его поддержку. Таврический дворец, где планировалось провести заседание, был заперт. П.А. Сорокин вспоминал: «Вскрабавшись на железную ограду дворца, я обратился к народу, а другие депутаты в это время перелезали через ограду во двор. Им удалось открыть ворота... Латышские стрелки колебались, и в результате двери дворца открылись и мы вошли вовнутрь, ...провели заседание и призвали... российскую нацию защитить свое Учредительное собрание. Была принята резолюция, что... Учредительное собрание откроется 5 января». В тот же день Сорокин написал Н.Г.Кононову в Гарью: «Многоуважаемый Николай Григорьевич! Я избран в депутаты. Нас съехалось здесь уже 300 человек, но Учредительное собрание еще не открылось. Не открылось потому, что Ленин и большевики всеми силами стараются не допустить открытия или, если Учредительное собрание откроется, разогнать его. Но мы с этим не считаемся и Учредительное собрание откроем». (В сентябре 1918 г. Н.Г. Кононов был арестован Усть-Сысольской ЧК за антисоветские действия (незаконные, с точки зрения большевиков перевыборы Гарьинского Совдепа). Усугубила его вину обнаруженная чекистами во время обыска переписка с Сорокиным).

При активном участии Пителима Александровича был организован Союз защиты Учредительного собрания. Готовясь к 5 января, Сорокин и его коллеги «ежедневно проводили митинги на заводах и среди солдат». Лидеры

эсеров, собираясь на квартире у П.А. Сорокина, готовили законы, декреты и другие документы. Но в работе Учредительного собрания Питирим Александрович не смог принять участия, так как 2 января 1918 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В день открытия Учредительного собрания в одной из газет была опубликована речь, которую Сорокин соби-рался произнести на заседании.

Через некоторое время Сорокин был выпущен и уехал в Москву. Там он с товарищами организовал издание эсеровской газеты «Возрождение», встретился с Керенским, в мае 1918 г. отправился на север России для организации антибольшевистского движения. П.А. Сорокин увез из Москвы жену А.Ф. Керенского Ольгу Львовну, сыновей Олега и Глеба и мать Ольги Львовны В.Л. Барановскую. Идея приезда Керенской в относительно спокойный Коми край принадлежала, вероятно, П.А. Сорокину; жена П.А. Сорокина, Елена Петровна Сорокина-Баратынская (их свадьба состоялась в мае 1917 г.), была подругой О.Л. Керенской.

Сорокины и Керенские покинули Петроград вместе с уроженцем Коми края архитектором А.В. Холоповым, его женой В.Д. Новодворской-Холоповой и дочерью (с Холоповыми Керенская была также знакома в Петрограде, хотя и не столь близко, как с Сорокиными). Керенские сняли жилье в д. Кочпон близ Усть-Сысольска у родственников А.В. Холопова. (Здесь О.Л. Керенская и ее родные весьма скромно и тихо прожили три месяца. Лишь однажды «Зырянская жизнь» опубликовала заметку «Керенская приехала», в которой, в частности говорилось, что О.Л. Керенская, по слухам, покупает на городском базаре продукты, не торгуясь, чем якобы способствует повышению цен. 20 июня та же газета опубликовала небольшой отклик О.Л. Керенской: «...Гибнет Россия – наша родина, в борьбе изнемогают брошенные нами союзники, немцы уже готовы праздновать кровавый пир победы, а для «Зырянской жизни»... важнее, какую цену платит Керенская за продукты, причем сообщаются заведомо ложные сведения...». После захвата власти в Усть-Сысольске большевиками ситуация переменялась. 20 августа 1918 г. по распоряжению Котласской ЧК на квартире Керенской в Кочпоне был устроен обыск в поисках «подозрительного». В конце августа 1918 г. Керенские под конвоем чекистов В.А. Савина и С.М. Колегова этапированы из Усть-Сысольска в Котлас, оттуда – в Великий Устюг. В 1920–1921 гг. О.Л. Керенская эмигрировала с детьми в Англию).

Весну, лето и осень 1918 г. Сорокин провел в Яренском уезде, в районе Устюга, Котласа, поначалу действуя легально, выступая с лекциями. 13 июня, в четверг, как сообщали читателям «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов», состоялась лекция Сорокина в Яренске «О текущем моменте». Сорокин выступал с антисоветских позиций, призы-вал «забыть все партийные счета, с призывом организовать единую партию

свободной, независимой демократической России, с призывом образумиться, стать честным, совестливым, сознающим национальные интересы народом и созвать новое временное Учредительное собрание на справедливых началах». Его бывшие сподвижники Д.А. Батиев, Ф.С. Коковкин и некоторые другие опасались, что резкие выпады Сорокина против большевиков обострят и без того непростую обстановку в уезде, и просили его воздержаться от чересчур, на их взгляд, жестких высказываний.

Воспоминания об одном из его выступлений были опубликованы в газете «Югд туй» девять лет спустя, 7 ноября 1927 г.: «Собирается уездный съезд учителей. На яренском горизонте появляется профессор П.А. Сорокин – «краса и гордость» уезда, член учредительного собрания, теперь изгнанный из СССР и гуляющий в Америке. Митинг в столовой военного сборного пункта. Профессор читает двухчасовой доклад о положении страны и революции, призывает громы и молнии на головы большевиков. Зовет слушателей, во имя культуры и революции, на борьбу за Учредительное собрание против большевиков. Досчатые стены столовой дрожат от аплодисментов и оваций. «Профессор» торжественно сходит с трибуны, а вскоре и с арены общественной жизни. Никто не решился выступить оппонентом профессору: «пороху» не хватило».

22 июня 1918 г. в Яренске была создано общество «Коми котыр», одной из главных целей которого было «образование особой административной зырянской единицы». По словам Д.А. Батиева, «общество «Коми котыр» фактически было детищем Сорокина. Последний составил и программу этого общества, которая впоследствии легла в основу программы Общества изучения Коми края». Отметим, что П.А. Сорокин считал необходимым осуществление автономии национальностей в пределах России, отмечая при этом, что «народности культурные, достаточно многочисленные... должны получить... более полную автономию», а «малочисленные, неразвитые народы, ...начав с более ограниченных форм автономии, по мере культурного и политического созревания, будут расширять свои автономные права до тех пор, пока не установят их в полном объеме» (об этом он писал в своем труде «Автономия национальностей и единство государства», изданном в 1917 года). Согласно утверждению Д.Г. Вурдова, летом 1918 г. Сорокин жил в это время в д. Римья Жешартской волости и даже был избран земляками председателем местного исполкома.

Во время подготовки антибольшевистского восстания на Севере П.А. Сорокин был определен кандидатом в министры белогвардейского правительства с центром в Архангельске. Вместе с Сорокиным в состав будущего правительства вошли многие известные ему деятели партии эсеров, в частности, С.С. Маслов, с которым Сорокин был знаком по совместной партийной работе в Вологодской губернии. В своих воспоминаниях Питирим

Александрович пишет, что в конце июня вместе с Н.В. Чайковским предпринял попытку пробраться в Архангельск, где готовилось антибольшевистское восстание. Они отплыли туда на пароходе: Чайковский из Вологды, а Сорокин присоединился к нему в Великом Устюге. Однако, добравшись до Усть-Пинегы, Сорокин был вынужден повернуть обратно. В своих мемуарах Сорокин пишет, что возвращение в Устюг было необходимо, “чтобы закончить подготовку к свержению местных коммунистических властей в Устюжско-котласском регионе”. Н.В. Чайковский продолжил путь в Архангельск, где месяц с небольшим спустя, в августе 1918 г., к власти пришли противники большевиков. Во главе правительства стал Н.В. Чайковский.

В Устюге антибольшевистское восстание не состоялось – английские войска сюда не дошли, а советские силы, наоборот, усилились. Сорокин вспоминал: «Вместо того, чтобы присоединиться к демократическому правительству Архангельска, как было задумано изначально, я и другие борцы с коммунистами в устюжско-котласском регионе попали в рискованное положение: большевики начали на нас охоту, назначив цену за поимку живыми или мертвыми». Осень 1918 г. П.А. Сорокин провел в лесах близ Великого Устюга, скрываясь от ЧК и вооруженных красноармейских отрядов, затем некоторое время жил в Устюге «бесшумной жизнью бесплотного призрака». В конце октября или начале ноября 1918 г. он решил сдаться советским органам и явился в губчека в Великом Устюге (председателем губчека в это время был, кстати, коми – В.И. Сорвачев).

Пребывание в устюжской тюрьме Сорокин красноречиво изобразил в своей книге «Долгий путь»: «Сегодня расстреляли семерых... Смерть ходила рядом, но пока не трогала меня... Сегодня еще трое расстреляны. Боже мой! Как долго будет продолжаться эта пытка?... Только что привели шестьдесят семь новых заключенных, среди них пять женщин и четверо детей. Это крестьяне, которые осмелились сопротивляться, когда коммунисты явились “национализировать” все их зерно, скот и другое имущество. На подавление бунта в селах были посланы пушки и пулеметы. Три населенных пункта разрушены до основания и сожжены, много крестьян убито, сотня арестованных. Те шестьдесят семь человек в ужасном состоянии – руки переломаны, на теле рваные раны и кровоподтеки... Сегодня нас стало меньше. Большинство крестьян казнены».

В конце ноября Питирима Александровича отправили в Москву, в начале декабря 1918 г. освободили. Обстоятельства его освобождения довольно противоречивы (сам Сорокин в автобиографии ссылался на заступничество бывших друзей – Пятакова и Карахана), но факт остается фактом: живой Сорокин был выгодней советской власти, чем расстрелянный. В.И. Ленин в своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина», опубликованной в «Правде» 21 ноября 1918 г., обращался ко всем потенциальным врагам со-

ветского режима прекратить сопротивление и сдаться, как это сделал Сорокин. Освободившись, П.А. Сорокин встретился с Н.Д. Кондратьевым, а вскоре уехал в Петроград и 23 декабря 1918 г. стал преподавателем юридического факультета университета. В 1920 г. он опубликовал двухтомную работу «Система социологии». От политической деятельности он отошел, но тем не менее несколько раз его собирались арестовывать.

Любопытные сведения о деятельности Сорокина в 1920–1921 гг. и о его роли в становлении Коми автономии оставила в своих рукописях А.А. Потапова. По ее утверждению, председатель зырянотдела Наркомнаца РСФСР бывший эсер Д.А. Батиев был хорошо знаком с Питиримом Александровичем и поддерживал с ним связь. Потапова пишет, что Батиев специально ездил в Петроград для консультаций с Сорокиным по проведению плебисцита на нижней Печоре по вопросу о вхождении в Коми область. Для организации плебисцита на Печору был направлен от Коми представительства при ВЦИК И.Д. Повпасев, но архангельский губком РКП(б) запретил подобное мероприятие. «Батиев не без консультации П.Сорокина засылал контрреволюционные телеграммы в Кудымкар... решил организовать плебисцит среди населения Нижней Печоры с вопросом – согласны ли они войти в состав Коми области? Нижняя Печора и тундра были оставлены в Архангельской губернии. Встает вопрос, знал ли, понимал ли Батиев значение слова плебисцит? Думаю, что нет. Кто надоумил, направил его на это? Не выглядывает ли тут контрреволюционная физиономия П.Сорокина?» – пишет А.А. Потапова.

Сотрудничество Батиева и Сорокина оказалось не очень долгим. В ноябре 1921 г. Батиева сместили с постов и арестовали. Примерно тогда же, осенью 1921 г., Сорокина лишили права преподавания. В феврале 1922 г. Батиева выпустили, и он до мая трудился в Наркомнаце, а затем уехал в родное село на скромную должность. П.А. Сорокин в апреле 1922 г. защитил магистерскую диссертацию по книге «Система социологии», а в сентябре того же года его вместе с большой группой российских интеллигентов выслали за границу. (Кстати, в списке тех, кого намеревались выслать в 1922 г., значился и Н.Д. Кондратьев. Он был арестован, но за него ходатайствовал Наркомфин; Кондратьеву разрешили остаться в России и назначили директором Конъюнктурного института при Наркомфине).

На этом политическая деятельность П.А. Сорокина окончательно завершилась, и последующие годы жизни он всецело посвятил себя науке. В начале П.А. Сорокин жил в Чехословакии, преподавал, писал научные труды, в частности, изданный в 1923 г. курс лекций «Современное состояние России», редактировал журнал «Крестьянская Россия». Американские ученые пригласили его в США, и в октябре 1923 г. Сорокин покинул Чехословакию и к концу месяца был уже в Америке. Он жил в Нью-Йорке, в начале 1924 г. читал лекции в университетах штатов Иллинойс и Висконсин, с лета

того же года стал преподавать в университете штата Миннесота. В 1925 г. он познакомился со своим старым товарищем по эсеровскому кружку в Хреново Н.Д. Кондратьевым, посетившим США. В 1930 г. П.А. Сорокин перешел на работу в Гарвардский университет. Работая в США, ученый издал несколько книг: «Социология революции», «Социальная мобильность», «Современные социологические теории», «Социальная и культурная динамика» и др. и стал признанным авторитетом в мировой социологической науке. Его избрали членом Бельгийской и Королевской румынской академий наук, президентом Международного института социологии и Американской социологической ассоциации, руководителем или членом многих других научных форумов и обществ. В 1960 г. П.А. Сорокин выступил с теорией конвергенции, сближения двух систем (капиталистической и социалистической) и создания общей социально-экономической и политической модели развития. Как отмечает исследователь И.А. Голосенко, на основе этой идеи П.А. Сорокина другими авторами были развиты концепции «постиндустриального общества» и др. Скончался П.А. Сорокин 10 февраля 1968 г.

Литература и источники

Вайровская С.В., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Чупров В.И. Борьба за власть в Коми крае в 1917 – середине 1918 года // История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2.

Великоустюгский центральный архив. Ф.Р-615. Оп. 2. Д. 78. Л. 59 об.; Д. 295. Л. 34. Вологодский листок. 1917. 12 марта.

Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 9. Т. 1. Д. 647. Л. 60 об; Ф. 1974. Оп. 2, Д. 6. Л. 39; Ф. 1837. Оп. 1. Д. 2. Л. 219; Д. 14. Л. 222.

Жеребцов И.Л. Изучение национальной культуры народа коми и общественная мысль в Коми крае в начале XX в. // Методологические проблемы изучения истории общественной мысли (на материале народов РСФСР). Казань: Казанский НЦ АН СССР, 1990.

Жеребцов И.Л. Питирим Александрович Сорокин // Историко-культурный атлас Республики Коми. М.: ДиК, 1997.

Жеребцов И.Л. Питирим Александрович Сорокин // Атлас Республики Коми. М.: ДИК, 2001.

Жеребцов И.Л. Сорокин, Кондратьев, Батиев... // Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века. Материалы Международной конференции. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009.

Жеребцов И.Л. Питирим Сорокин и Дмитрий Батиев: параллели судьбы // Наследие. Научный журнал. Сыктывкар, 2011. № 1.

Жеребцов И.Л. «Среди народа коми»: годы становления российско-американского социолога Питирима Сорокина // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2012. Вып. 7.

Жеребцов И.Л. Питирим Сорокин: между политикой и наукой // Наследие. Научный журнал. Сыктывкар, 2012. № 2.

Жеребцов И.Л. Сорокин Питирим Александрович // «Памятуя лишь о благе и пользе России...»: представители Коми края в российском парламенте. Сыктывкар, 2014.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А. Питирим Александрович Сорокин // Вымская земля – родина Питирима Сорокина. Очерки истории и культуры. Сыктывкар, 2011.

Жеребцов И.Л., Сурков Н.И., Таскаев М.В., Чуров В.И. Социально-политические процессы в Коми крае (1901–1914 гг.) // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 331).

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Влияние Питирима Сорокина и Николая Кондратьева на формирование Дмитрия Батиева как политика // И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Первые коми политики. Сыктывкар: «Кола», 2007. Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. 17 июля.

Круглый стол на тему: «Перспективы изучения жизни и творчества Питирима Сорокина» // Наследие. Научный журнал. Сыктывкар, 2015. № 1 (6).

Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.

Таскаев М.В. Яренская партийная конференция эсеров // Вычегодский край в истории России. Тезисы докладов научно-практической конференции. Сыктывкар, 1994.

Таскаев М.В. Гражданская война на территории Коми края // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011.

Таскаев М.В. Революция и гражданская война в Коми крае (1917–1920 гг.) // Атлас Республики Коми. М.: Феория, 2011.

Таскаев М.В. Документы по истории гражданской войны на Европейском Северо-Востоке России // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 10.

Таскаев М.В. Газета как источник изучения политической культуры в национальном регионе периода Первой мировой войны, революции и гражданской войны (на примере коми уездных газет) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы Итоговой Всероссийской научно-теоретической конференции (с международным участием) (г. Сыктывкар, 24–25 октября 2013 г.): в 5 ч. Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2013. Ч. 4: Симпозиум «Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми)».

Таскаев М.В., Попов А.А. Жена премьера // Связь времен. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.

Торлопов В.А., Истиховская М.Д., Жеребцов И.Л., Напалков А.Д., Сметанин А.Ф., Четверикова Л.В. Законодательная власть Республики Коми: очерки истории. Сыктывкар, 2008.

ЭСЕР Д.Я. ПОПОВ, «ЗЫРЯНСКИЙ МИЛЮКОВ»

Вслед за П.А. Сорокиным идеи о «чрезвычайной важности автономии для нашего края» развил другой известный коми эсер, священник Дмитрий Яковлевич Попов. В январе 1918 г. на Учредительном съезде Советов в Усть-Сысольске (Сыктывкаре) Д.Я. Попов заявил: «Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край наш... имеет полное право на самостоятельное существование, обладая громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море... Мы должны... заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах». 18 января 1918 г. открылось первое заседание Усть-Сысольского Совдепа, где Д.Я. Попов представлял усть-сысольскую организацию эсеров. На заседаниях Совдепа Д.Я. Попов развил свою мысль об автономии для Коми края. Он говорил, что «... мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в порядке внутреннего управления, не затрагивая вопроса о чеканке монеты, почте и телеграфе». В то же время Д.Я. Попов считал, что новой власти в Коми крае «надо придать и функции законодательной: проводить в жизнь пригодные для нас декреты и обязательные постановления... Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильны, то согласимся, если не правильны - не согласимся. Наша организация беспартийная, значит она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности. Поставим нашу власть в подчиненное положение постольку, поскольку это полезно для края, не умаляя значения ее верховности». Все эти выступления Д.Я. Попова содержали в себе программу по созданию автономной Коми республики – первую программу национально-государственного строительства на европейском Севере России.

Дмитрий Яковлевич Попов родился в 1862 г. в селе Вьюгорт Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в семье священника. Окончив шесть классов Вологодской духовной семинарии, в 1885 г. он был определен псаломщиком в Христорождественскую церковь с. Деревянск Усть-Сысольского уезда. Спустя год он стал диаконом, а в 1888 г. Иоанникий, епископ Велико-Устюжский, рукоположил Попова в священники. В 1895 г. Д.Я. Попов был назначен помощником благочинного пятого округа Усть-Сысольского уезда, а через три года стал благочинным. Попову неоднократно объявлялась архиерейская благодарность «за ревностное отношение к делу», а в 1893 г. его наградили набедренником.

В юбилейном 1911 г., когда отмечалось 25-летие священнослужения о. Дмитрия, духовный округ преподнес ему подарок – золотой наперсный крест Синодского образа. Дмитрий Яковлевич заслужил эти знаки внимания, ибо был он не просто священником, а «врачом духовным», как писали о нем в приветственном адресе прихожане его церкви. Безбоязненно посещал эпидемических больных, открыл первую в уезде богадельню – приют для престарелых, инвалидов и сирот. Немало сделал для открытия в Деревянске церковно-приходской и второклассной школ, преподавал в них гуманитарные предметы и Закон Божий. Классик коми литературы, поэт и драматург Виктор Савин был учеником Д.Я. Попова. В 1895 г. Вологодская епархия объявила о. Дмитрию благодарность «За особое усердие к преподаванию Слова Божьего и ведение внебогослужебных собеседований».

На проходившем в июне 1912 г. съезде духовенства в Великом Устюге Дмитрий Яковлевич был выдвинут в выборщики депутатов IV Государственной Думы от Вологодской губернии. В ноябре 1912 г. выборщики избрали Попова депутатом Думы. В Государственной Думе о. Дмитрий работал в составе четырех думских комиссий: по законодательным предположениям, по делам Русской Православной Церкви (в деятельности которой он принимал наиболее активное участие), по пенсиям и земельной.

Немало сделал Д.Я. Попов для организации строительства первой железной дороги на европейском северо-востоке России, имевшей большое социально-экономическое значение для коми национального региона. Впервые о строительстве железной дороги на европейском северо-востоке заговорили в 1912 г., когда назрела необходимость улучшения транспортных коммуникаций в коми-зырянском и зауральском крае. Здесь не было хороших дорог, основное снабжение огромного региона осуществлялось по водным коммуникациям на пароходах. Необходимость в железной дороге была очевидна. Группа российских предпринимателей гг. Вольтман, Цейдлер, Верт и Пашков предложили правительству проект строительства железной дороги из Зауралья (от с.Чемашевского на реке Обь) в Архангельск через Троицко-Печорск и Ухтинский нефтеприиск. Этот проект получил название «Обь-Беломорской железной дороги». По этому проекту «столица» Коми-Зырянского края Усть-Сысольск оставалась в стороне от железной дороги, что не устраивало Усть-Сысольское земство.

В 1915 г. известный на Севере архангельский художник А.А. Борисов выдвинул собственный проект железной дороги, получивший название «Обь-Котласской железной дороги». По этому проекту железная дорога начиналась от реки Обь, пересекала Урал, выходила в Вычегодский бассейн и через Усть-Нем, Усть-Кулом и Усть-Сысольск направлялась на Котласский транспортный узел. Оба этих проекта получили широкое освещение в российской прессе. Проекты соединяли в единую транспортную сеть Заураль-

скую Сибирь, Коми-Зырянский край, вятский и прикамский районы (через железнодорожную линию Вятка-Котлас). Усть-Сысольская уездная Земская управа, конечно, была заинтересована в утверждении правительством проекта «Обь-Котласской железной дороги».

Для этой цели в Санкт-Петербург к депутату Государственной Думы Д.Я. Попову была направлена делегация усть-сысольских земцев с просьбой лоббировать этот вопрос в имперском правительстве. В апреле 1916 г. делегация усть-сысольских земцев прибыла в Санкт-Петербург для переговоров в Министерстве путей сообщения (МПС) о неприемлемости строительства «Обь-Беломорской железной дороги» для Севера. 7 апреля Совет Министров России направил оба железнодорожных проекта для рассмотрения во второй департамент Государственного Совета. Д.Я. Попов возглавил усть-сысольскую делегацию и провел серию встреч и консультаций с высокопоставленными чиновниками Государственного Совета Российской империи и МПС, прежде всего с председателем второго департамента Государственного Совета графом В.Н. Коковцевым, членами департамента М.В. Дмитриевым, С.И. Тимашевым, О.Р. фон-Экспарре, К.С. Немашевым, П.Н. Думитрашко, товарищем Министра путей сообщения И.Н. Борисовым, начальником Инженерного управления МПС Козыревым и др.

Во время бесед о. Дмитрий настаивал на принятии вторым департаментом Государственного Совета проекта строительства «Обь-Котласской железной дороги». Обосновывая этот вариант железнодорожного строительства на Севере, Д.Я. Попов говорил, что это «кратчайший путь, соединяющий Сибирь через Котлас с незамерзающим портом Мурманск... начнется колонизация огромного земельного фонда в Вычегодском бассейне, оживится лесная промышленность...». Итогом всех переговоров стало решение второго департамента Государственного Совета от 29 апреля 1916 г. об отклонении проекта «Обь-Беломорской железной дороги» и принятии проекта «Обь-Котласской железной дороги». Летом 1916 г. о. Дмитрий издал в Усть-Сысольске книгу «К вопросу о железнодорожном строительстве на Севере», подводившую итог его политической деятельности в имперском правительстве в напряженной конкурсной борьбе двух проектов железнодорожного строительства на Севере.

По политическим убеждениям Д.Я. Попов в Государственной Думе примыкал тогда к прогрессистам. В IV Государственной Думе прогрессисты занимали 47 депутатских мест и считались «левыми». Наступил 1917 год. Самодержавие пало. Вместе с ним исчез привычный уклад жизни, в стране воцарился хаос. Краевед В.П. Шляпин вспоминал о роли Д.Я. Попова в Февральской революции 1917 года: «Среди членов Думы выделиться, конечно, трудно было, однако и здесь он сумел выделиться, а именно, в начале революции, когда к Таврическому дворцу подошел отряд революционных войск,

он вышел к нему в облачении и с крестом в руках и торжественно благословил этот отряд на начало революции. Поступок его был признан крайне смелым. Ведь он рисковал своей головой, если бы революция сорвалась, но зато, говорили, поступок этот не забудется и как эпизод войдет в историю революции и таким образом имя Дмитрия Яковлевича увековечится». В 1917 г. Д.Я. Попов вступил в ПСР. Эсеры в 1917 г. были самой многочисленной и самой популярной в народе партией. ПСР выдвигала идеи демократической республики, социализации земли, права наций на самоопределение, восьмичасового рабочего дня, развития кооперации и др.

Постепенно Д.Я. Попов все больше начинает заниматься политикой. Уже после Октябрьского переворота 1917 г. отец Дмитрий участвует в работе Учредительного съезда Советов Усть-Сысольского уезда в январе 1918 г., провозгласившего советскую власть на значительной территории Коми края. Д.Я. Попов открывал этот съезд Советов, призвав делегатов съезда «...создать сильную верховную власть для края, выражающую волю народа, власть беспартийную, которая будет носить название Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов». Дмитрий Яковлевич заявил о «чрезвычайной важности автономии для нашего края». Его программу национально-государственного строительства в Коми крае некоторые советские историки называли позже кадетской, а В.М. Подоров охарактеризовал Д.Я. Попова, как «зырянского Милюкова», хотя Д.Я. Попов никогда в партии конституционных демократов не состоял, а был членом ПСР.

На выборах исполнительного комитета Совета Д.Я. Попов был избран комиссаром отдела народного хозяйства (впоследствии Совета народного хозяйства Усть-Сысольского уезда). В знак протеста Вологодская духовная консистория лишила отца Дмитрия сана священнослужителя, как противника «Христовых учения» и поддерживающего богопротивную советскую власть. Церковная карьера о. Дмитрия завершилась. Указ о лишении его священного сана вышел 4 мая 1918 г. Рясу отец Дмитрий, однако, сразу не сбросил и выделялся ею среди прочих деятелей и уездных комиссаров Усть-Сысольского Совдепа еще долго. Вначале руководимый Поповым уездный Совет народного хозяйства занялся сбором материалов о лесных и прочих богатствах Коми края с целью представления в Москву обширного доклада об их разработке. На I съезде Советов Усть-Сысольского уезда в марте-апреле 1918 г. эсер Попов развернул перед делегатами план «плодотворного использования природных богатств». Нужны были значительные средства, чтобы освоить залежи полезных ископаемых, начать строительство новых промышленных объектов. В смутное для страны время Гражданской войны Д.Я. Попов вновь начал пробивать уже теперь в советском правительстве России идею о железной дороге на Севере. Д.Я. Попов объяснил делегатам I съезда Советов Усть-Сысольского уезда в марте-апреле 1918 г. необходи-

мость строительства для региона железной дороги и получил вердикт съезда заниматься этим вопросом.

К этому времени Попов был уже известен в Вологодской губернии, как видный авторитет по железным и прочим дорогам. Он неоднократно выезжал в Великий Устюг и Вологду для проектирования грунтовых и шоссейных дорог, но «Обь-Котласская железная дорога» по-прежнему находилась в стадии проекта. В конце марта 1918 г. Вологодское Бюро по организации Сопещания о железнодорожном строительстве в Северном округе прислало специальное приглашение о.Дмитрию участвовать в Сопещании. Д.Я. Попов выехал в Вологду с наказом от делегатов I съезда Советов Усть-Сысольского уезда «настаивать на безотлагательном проведении железнодорожных линий в Усть-Сысольском уезде и заявить, что в первую очередь должна быть поставлена и построена Обь-Котласская линия и затем уже (во вторую очередь) линия Усть-Сысольск-Пинног».

В июне 1918 г. Д.Я. Попов отправился в Москву ходатайствовать в Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ) РСФСР о кредитах для Коми края и, в частности, о строительстве железной дороги на Севере. В Москве эсер Попов добился приема у председателя ВСНХ А.И. Рыкова и передал ему свои доклады «О лесных богатствах Усть-Сысольского уезда», «О финансовом бессилии уезда» и «Очередные задачи по постройке железнодорожного участка Котлас-Усть-Сысольск». По воспоминаниям дочери Д.Я. Попова Н.Д. Синцовой, в Москве Д.Я. Попов встречался также и с В.И. Лениным. Надо заметить, что Попов был одним из немногих коми советских деятелей, кто встречался с В.И. Лениным. Последний интересовался прежде всего ухтинской нефтью. Итогом этих встреч стало выделение Совнаркомом РСФСР кредита для Коми края в сумме 800 тыс. руб., о чем Д.Я. Попов проинформировал Усть-Сысольский Совдеп телеграммой. Поскольку ухтинская нефть заинтересовала В.И. Ленина, Д.Я. Попов приступил к созданию собственного проекта железной дороги Ухта-Усть-Сысольск-Вятка, целью которого было создание северной транспортной магистрали для вывоза нефти в центр России.

Находясь в Москве, Д.Я. Попов телеграммой из Усть-Сысольска получил полномочия делегата на V Всероссийский съезд Советов, открывшийся 4 июля 1918 г.; на этом съезде Попов примкнул к левым эсерам. В ноябре 1918 г. доклад Д.Я. Попова «Очередные задачи по постройке железнодорожного участка Котлас-Усть-Сысольск» был рассмотрен в ВСНХ РСФСР и получил одобрение. Совнарком РСФСР утвердил проект. Дорога была передана в концессию норвежскому предпринимателю Ганневику. В Усть-Сысольск прибыла партия инженеров для обследования участка строительства пути между Усть-Сысольском и Котласом. Однако Гражданская война помешала заняться реальным железнодорожным строительством. Уездный комиссар и

председатель Усть-Сысольского совнархоза Д.Я. Попов осенью 1919 г. выезжает на работу в Великий Устюг, в губисполком Северо-Двинской губернии. В Великом Устюге Попов продолжает дело всей своей жизни – пропаганду железнодорожного строительства, в северо-двинских газетах тех лет можно встретить статьи и сообщения Д.Я. Попова о крайней необходимости железной дороги для Севера. В 1921 г. Д.Я. Попов скончался.

Источники и литература

Жеребцов И.Л. Время безумцев // Коми – край далекий и близкий. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Февральская революция и смена власти в Коми крае // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 61).

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Черные годы (Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921). Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. 320 с.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Отношение населения к власти в Коми крае (1917 – начало 1920-х годов). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Жданов Л.А., Сметанин А.Ф. Создатели Коми автономии. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. (Стоявшие у истоков. Вып. 2).

Журнал Учредительного съезда 17 января 1918 г. и Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заседаний 18, 20 и 22 января 1918 г. Усть-Сысольск, 1918.

Кузванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути. Очерки истории становления и развития Коми автономии. Сыктывкар, 1996. 200 с.

Национальный архив Республики Коми. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об; Д. 74. Л. 1–2. Республика. 2011. 27 авг.

Таскаев М.В. Упоминается в трудах историков // Вестник политической информации. 1989. № 19.

Таскаев М.В. Партии и партийность населения в Коми крае в 1917 г. // Национальное строительство в Коми АССР (история и современность). Вып. 1. Сыктывкар, 1991. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 52).

Таскаев М.В. Первые национальные политические организации г. Усть-Сысольска и с. Вильгорт // Вестник культуры Коми ССР. 1991. №4.

Таскаев М.В. В борьбе обретешь ты право свое! (Эсеры в Коми крае) // Родники пармы. Сыктывкар, 1993.

Таскаев М.В. Деятельность партии эсеров в Коми крае в 1917–1918 гг. (по материалам периодической печати Архангельской и Вологодской губерний) // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. (Труды Института языка, литературы и истории Коми науч. центра УрО РАН. Вып. 54).

Таскаев М.В. Национальный аспект в деятельности непролетарских партий и политических обществ в Коми крае (1905–1920 гг.) // Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития

Республики Коми. Сыктывкар, 1993. (Труды Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. Вып. 56).

Таскаев М.В. Экономическая деятельность Д.Я. Попова // Научные экспедиции и исследования Коми края (Тезисы докладов V научной краеведческой конференции Республики Коми). Сыктывкар, 1993.

Таскаев М.В. Комиссар в рясе // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. IV.

Таскаев М.В. Небольшевистские партии и Белая Армия в Коми крае (1917–1920 гг.). Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 120 с.

Таскаев М.В. Коми национальные политические объединения в XX веке // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. 7–13. 8.2000. Tartu. Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Folkloristika & Ethnologia. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia & Genetica. Tartu, 2000.

Таскаев М.В. Национальные, партийные и общественные организации Коми края в первой половине XX столетия (довоенный период) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005.

Таскаев М.В. Политическая организация северного крестьянства в период революции, гражданской войны и становления национальной автономии (на материалах Коми АО) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Республика Карелия, Водлозерский национальный парк, 4–9 августа 2008 г.). М., 2008.

Таскаев М.В. Попов Дмитрий Яковлевич // Город Сыктывкар. Энциклопедия. Сыктывкар, 2010.

Таскаев М.В. Усть-Сысольская группа социалистов-революционеров (эсеров) // Город Сыктывкар. Энциклопедия. Сыктывкар, 2010.

Таскаев М.В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 610 с.

Таскаев М.В. Попов Дмитрий Яковлевич; Всероссийское Учредительное собрание // «Памятуя лишь о благе и пользе России...»: представители Коми края в российском парламенте. Статьи и очерки о народных избранниках в высшие законодательные органы государства (с 1907 по 2014 годы) от Коми края. Сыктывкар, 2014.

Таскаев М.В. Европейский Северо-Восток Российской империи в начале XX столетия. Очерки политической истории. Saarbrücken (Germany): «Lambert Academic Publishing», 2012. 120 с.

Таскаев М.В. Новые источники по истории революции и гражданской войны на Европейском Северо-Востоке России в фондах Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. Сб. научных статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2013.

Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // Историография коми. Сыктывкар, 1999. (Материалы по истории Коми, вып. 2).

Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Первые проекты государственного строительства в Коми крае // Чтения, посвященные 100-летию Ф.Г. Тараканова: Сб. докл. и сообщ. Сыктывкар, 2000.

ЭСЕР И БОЛЬШЕВИК Д.А. БАТИЕВ, «ОТЕЦ КОМИ АВТОНОМИИ»

Загадки в жизни Дмитрия Батиева начинаются с даты его рождения. В разных документах, записи в которых сделаны либо самим Батиевым, либо с его слов, фигурируют различные числа: 19 октября, 1 ноября, 2 ноября... Это доставило немало хлопот биографам. Вероятнее всего, такая путаница была вызвана переменной в начале 1918 г. так называемого «старого стиля» календаря на новый; при пересчете дат люди часто путались, сколько дней надо прибавлять к «старой» дате рождения, чтобы появилась новая. Ясность удалось внести краеведу из села Гам, родины Д.А. Батиева, А.И. Некрасову, установившему, что Дмитрий Батиев родился 19 (31) октября 1896 г. Произошло это в деревне Кебырыб, входящей в состав села Гам Яренского уезда Вологодской губернии. Первые годы жизни Дмитрий Батиев провел в Кебырыбе, помогал родителем по хозяйству, учился в гамской второклассной школе, которую окончил в 1912 г., с 15 лет подрабатывал в Архангельске «мальчиком» на лесозаготовках и сплаве. Будущее Батиева оказалось на некоторое время причудливым образом связано с жизнью и деятельностью паренька, бывшего семью годами старше, закончившего несколькими годами раньше него (в 1904 г.) ту же гамскую школу и направленного местным учителем А.Н. Образцовым в учительскую семинарию, находившуюся в селе Хреново Костромской губернии. Звали того паренька Питирим Сорокин – будущий всемирно известный социолог, профессор Гарвардского университета в США... Вполне возможно, что и Батиев, поступивший в Хреновскую семинарию в 1913 г., попал туда по протекции А.Н. Образцова.

Жизнь Батиева во время учебы в Хреново складывалась поначалу в полном соответствии с названием этого села. Позднее он писал хорошо знавшему его видному советскому государственному деятелю А.С. Енукидзе: «Я учился один коми среди русских и постоянно вызывал среди них смех и издевательство своим незнанием русского языка и обычаев и до 20-ти лет я был среди русских «диким», что породило во мне вражду ко всему русскому, и я стал страшным националистом и все свои знания решил употребить на освобождение своего народа от национального гнета». (Читая это любопытное признание, надо иметь в виду, что сделано оно было в 1933 г., когда Батиев находился в тюрьме по обвинению в «буржуазном национализме»).

«Для достижения равноправия народов я считал необходимым сначала освободиться от царизма», – вспоминал Батиев. Наиболее близкими по духу показались ему воззрения социалистов-революционеров. Большое влияние при этом на Батиева оказал, как уже говорилось выше, Николай Дмитриевич Кондратьев. Возможно, именно Кондратьев обратил внимание на зырянского юношу, еще недавно с трудом говорившего по-русски, а затем ставшего не-

дюжинным оратором, и вовлек его в существовавший в семинарии эсеровский кружок. Как бы то ни было, в 1916 г. Батиев вступил в существовавший в семинарии эсеровский кружок и позднее писал, что состоял «до 1917 года июня месяца у с.-р. (социалистов-революционеров. – *Авт.*) у Кондратьева по общественной деятельности». Таким образом, Сорокин через Кондратьева передал своего рода «эстафетную палочку» новому политику, ставшему вскоре одним из организаторов Коми автономии. Пожалуй, именно под влиянием Н.Д. Кондратьева Д.А. Батиев стал интересоваться и проблемами экономического развития; примечательно, что в 1918 г. он поступил на юридический факультет Петроградского университета – туда же, где раньше учились П.А. Сорокин и Н.Д. Кондратьев. Во время Февральской революции 1917 г. Батиев проявил себя активнейшим образом. Он стал председателем комитета учащихся семинарии, членом комитета всех средних учебных заведений Кинешемского уезда, «был одним из организаторов фабрично-заводских комитетов и проводником арестов консервативных элементов». Вернувшись в мае 1917 г. домой, Батиев быстро включился в общественно-политическую жизнь Коми края. Среди членов «новых», появившихся после Февраля руководящих органов (временные комитеты и др.), в Коми крае преобладали прежние чиновники. Но появились и новые политические силы. В Яренском уезде оппозиция группировалась вокруг образованного в Яренске 6 мая 1917 г. оргкомитета по созданию уездной организации партии социалистов-революционеров (председатель оргкомитета С.П. Гулынин).

Первая в сельской местности Яренского уезда эсеровская ячейка возникла в Гаме. Ее организовал Батиев, ставший ее председателем. Затем организации социалистов-революционеров появились в Усть-Выми и других селениях уезда. Симпатии Батиева и многих других жителей крестьянского Коми края эсерам вполне естественны: программные требования этой партии (демократическая республика, политические свободы, социализация земли и др.) были им близки и понятны. Социалисты-революционеры были нацелены на взятие власти в уезде. Эта цель была подтверждена позднее, 30–31 июля 1917 г., на Вологодском губернском съезде эсеровской партии, где была принята резолюция об основных задачах партийной работы в губернии. Первый пункт резолюции ориентировал эсеров на «захват в руки партии всех публично правовых органов губернии» (волостных, уездных, губернских земств, городских самоуправлений, продовольственных, земельных и других комитетов).

В мае 1917 г. жители Жешартской волости на волостном сходе избрали Дмитрия Батиева делегатом на съезд крестьянских депутатов Яренского уезда. 29 мая (11 июня) Батиев и другие делегаты от волостей участвовали в заседании временного уездного комитета, на котором рассматривалось положение в уезде. Комитет был реорганизован «в желательном для крестьян-

ства направлении». В его составе появился официальный представитель партии эсеров А.А. Черепанов, а также представители рабочих типографии, солдат, профсоюзов служащих и даже один портной. Однако председателем комитета остался уездный комиссар К.Е. Добряков. Как сообщал позднее (2 августа 1917 г.) С.П. Гулынин, «партийная организация социалистов-революционеров должна была взять на себя организацию Яренского совета крестьянских депутатов, для чего и был созван съезд крестьянских депутатов».

I Учредительный Яренский уездный съезд крестьянских депутатов открылся 30 мая (12 июня) 1917 г. и объявил себя выразителем интересов всего крестьянства уезда. Избранный на съезде Яренский уездный Совет крестьянских депутатов (его членом стал и Батиев) высказался «за демократическую республику как единственно справедливую форму правления России», в поддержку Временного правительства, против сепаратного мира с Германией, но за общий мир – на основе самоопределения национальностей, без захватов чужих земель и без контрибуций. Совет не претендовал на передачу ему власти, но указал на «засилие царской, чуждой народу бюрократии» в существующих органах власти, декларировал свое «право контролировать и вмешиваться во все области местной жизни» и решительно потребовал, чтобы временный уездный комитет считался с его мнением. В те же дни проводились выборы в земскую управу, продовольственный и земельный комитеты, куда, по словам С.П. Гулынина, «удалось выдвинуть членов партии социалистов-революционеров». На съезде был создан и исполком уездного Совета из пяти человек, все – эсеры. Председателем исполкома стал С.П. Гулынин, секретарем С.А. Марков, членами – А.А. Черепанов, В.А. Исаков и Д.А. Батиев.

Эсеры играли главную роль в «Яренской газете», первый номер которой вышел 20 июня 1917 г. (в газете отмечалось, что она издается «при ближайшем участии Яренской культурно-просветительской комиссии, уездной организации социалистов-революционеров и исполкома Совета крестьянских депутатов Яренского уезда»). Газета сыграла огромную роль в пропаганде общедемократических идей в уезде. Позднее, в 1924 г., заполняя один из документов, Батиев писал, что «в 1916 году до 1917 года июня месяца» был эсером, «после этого был беспартийным до начала 1919 года». Возможно, Батиев имел в виду, что с июня 1917-го он поддерживал не общую линию партии эсеров, а взгляды так называемых левых эсеров, образовавших «левую оппозицию» на съезде социалистов-революционеров именно в июне 1917 г. Однако на самом деле из партии эсеров Батиев ни в июне, ни в июле 1917 г. не вышел. Известно, что Батиев присутствовал на состоявшемся 2 августа 1917 г. собрании представителей эсеровских ячеек Яренского уезда (где был избран уездный комитет этой партии) и даже выступил там с сообщением о возникновении Гамской партийной ячейки и о ее работе (послед-

няя заключалась в том, что «были прочитаны доклады на следующие темы: причины революции, ближайшие задачи демократии и т.д.»).

6 августа открылся II Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, работой которого руководили социалисты-революционеры. Они же и возглавили исполком уездного Совета (В.А. Исаков – председатель, С.А. Марков – секретарь). Вошел в состав руководящих органов и Д.А. Батиев. В августе состоялся Вологодский губернский съезд эсеров. Мирному сосуществованию различных местных органов власти способствовало то, что все они имели одну основную цель – созыв Учредительного собрания, которое должно было решить все главные вопросы устройства России, объявленной 1 сентября 1917 г. республикой.

Окончательно уступить власть политикам «февральской волны» старые чиновники вынуждены были после выборов уездных земских собраний. В Яренском уезде они состоялись в сентябре 1917 г. Уездный временный комитет прекратил существование. Должность уездного комиссара Временного правительства сохранялась до конца 1917 г., но власть теперь была сосредоточена в руках земства, в руках яренских эсеров. С 1 сентября 1917 г. до начала февраля 1918 г. Д.А. Батиев работал учителем народной школы в Жешарте и Гапе. Одновременно с июня 1917 г. он являлся председателем волостного ревкома, и именно этот пост, вероятно, отнимал большую часть его времени. Впоследствии Батиев записал в анкете относительно своей деятельности в 1917–1918 гг.: «Готовился на учителя, но фактически работал с 1917 года июня месяца на общественной работе».

Первая эйфория, вызванная демократическими переменами в политической строй, вскоре сменилась у большей части населения недовольством из-за продолжавшихся экономических трудностей, конца которым было не видеть. Не хватало самого необходимого. «В последнее время в городе нельзя найти ни одного коробка спичек. Скоро ли будут они и кто будет заботиться об обеспечении ими населения – судить трудно. Думают ли об этом кому нужно?» – писала осенью 1917 г. «Яренская газета». В конце октября 1917 г. начала работу первая сессия Земского собрания нового состава Яренского уезда. На повестку дня были вынесены вопросы социально-экономических преобразований демократического характера в уездах. Но внезапно ситуация резко изменилась...

27 октября (9 ноября) из Вологды пришло ошеломляющее известие: «В Петрограде большевики захватили власть...». Местные органы власти в Коми крае встретили весть о перевороте в столице резко отрицательно. В Петроград и иные места полетели телеграммы: «Яренское объединенное заседание представителей местных самоуправлений, комитетов и организаций рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единогласно протестует против захвата власти большевиками, требует признать большевизм врагом

Родины и революции...». В ноябре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, наглядно показавшие расстановку политических сил в Коми крае в этот период.

У местных политических лидеров сохранялись надежды на то, что в России большевистская власть не установится. Но дни шли, и надежды эти таяли. В губернских центрах установилась Советская власть. Возвращавшиеся с фронта солдаты были в значительной мере настроены пробольшевистски. Появились и специально направленные солдаты-агитаторы, которые должны были оказать помощь в сплочении местных сторонников нового российского правительства, в которое вошли не только большевики, но и оформившие в декабре 1917 г. самостоятельную партию левые эсеры (что, вероятно, могло смягчить отношение к нему местных политиков, придерживавшихся левоэсеровских взглядов).

Постепенно сил для осуществления антибольшевистских мер у местных органов управления становилось всё меньше, а давление новой центральной власти нарастало. 1 (14) декабря 1917 г. «Яренская газета» сообщила: «В ночь на 30-е ноября (13 декабря. – *Авт.*) в Яренске образовался Военно-революционный комитет. Цель и задача его – быть проводником идей «Народных Комиссаров». Сразу же комитетом был смещен начальник милиции, приступлено к учету товаров в магазинах...» В уездные центры поступали суровые телеграммы из Петрограда с требованиями действовать на местах в соответствии с указаниями большевистских лидеров. Стало ясно, что надежды на провал большевистского переворота не оправдались.

Жители края к новоявленным претендентам на власть отнеслись с осторожностью. Когда Яренский военно-революционный комитет (ВРК) предложил крестьянам с Айкино послать своих представителей для работы в этом комитете, то «общее мнение схода было резко отрицательное к идее организации нового, неизвестно для чего организуемого военно-революционного комитета, и решено было не посылать никаких депутатов в Яренск. Впрочем, на всякий случай намечены были всё же два кандидата», – сообщает «Яренская газета». Сходным образом отреагировали и в других волостях уезда. ВРК остался на бумаге, а его функции как органа власти возложили на исполком Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. Продолжало действовать и земство; лишь уездный комиссар К. Добряков подал в отставку.

Противоречившие один другому приказы различных органов власти дезорганизовали и без того находившееся в кризисе хозяйство уезда. Жители Коми края, страдавшие от нехватки всего, чего только могло не хватать, обращали свои взоры не к большевикам, левым или правым эсерам, кадетам или еще кому-либо конкретно: им нужна была какая-то реальная сила, реальная власть. Никто из «старых» и «новых» претендентов на власть не мог справиться с управлением в одиночку. Требовалось соглашение, компро-

мисс между различными политическими силами. Таким компромиссом стало установление власти Советов – но таких, в которых большевики ведущей роли не играли.

В начале 1918 г. в Яренском уезде прошли выборы местных Советов крестьянских депутатов. В с. Гам «по приговору граждан от 2 февраля» председателем Совета был избран Д.А. Батиев, «из крестьян». III Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, проходивший 5–14 марта 1918 г., объявил об установлении Советской власти в уезде. Главным уездным органом власти стал Совет крестьянских депутатов и его исполком, стоявшие на небольшевистских позициях. Д.А. Батиев являлся делегатом, избирался секретарем съезда, вошел в состав уездного исполкома, активно участвовал в заседаниях. На съезде разгорелись острые споры между делегатами, стоявшими на разных политических позициях – лево- и правозсеровских, большевистских, меньшевистских, анархистских... Батиев слушал, сопоставлял аргументы тех и других, сам вступал в дискуссии.

Во время съезда произошел инцидент, характеризующий нравы того времени. Группа крестьян из Жешартской волости потребовала от съезда срочно оказать населению помощь ввиду трудностей с хлебом. Батиев в ответ на это заявил, что жители волости, несмотря на недостаток хлеба, гонят из зерна самогон; следует это искоренить, тогда и хлеба для питания останется больше. Съезд отложил рассмотрение просьбы жешартцев. Последние в отместку после заседания напали на Батиева и намяли ему бока. На следующем заседании делегаты выразили Д.А. Батиеву сочувствие и распорядились отдать виновных под суд.

Постепенно влияние пробольшевистских сил росло. В июне 1918 г. на IV уездном съезде крестьянских депутатов была принята большевистская резолюция, призывавшая объединиться вокруг Совнаркома РСФСР как единственного выразителя интересов трудящихся. Затем съезд упразднил земские учреждения в Яренском уезде. За эту резолюцию голосовал и Батиев. Политические взгляды Батиева действительно претерпели эволюцию: в списке членов уездного исполкома, избранного в июне 1918 г. на IV уездном съезде крестьянских депутатов, Д.А. Батиев указан как левый эсер. Изменились («полевели») не только взгляды Дмитрия Батиева, но и большинства местных жителей: не случайно в июне 1918 г. в уездный исполком входили восемь левых эсеров и лишь два правых эсера (а также по одному трудовику, интернационалисту, большевику и анархисту).

В первой половине 1918 г. коми политики вполне определенно заговорили о возможности создания Коми автономии. Наиболее последовательно эту идею отстаивал устьсысольский политик Д.Я. Попов. Мысли Попова, очевидно, находили отклик и в Яренском уезде. Стремление к обособлению коми от соседних административных единиц проявилось, в частности, в том,

что 17 июня 1918 г. в Устюге на съезде представителей Сольвычегодского, Велико-Устюжского, Никольского, Яренского и Усть-Сысольского уездов делегаты двух последних отказались от вхождения в новую Северо-Двинскую губернию.

Как уже говорилось выше, в эти же дни, 22 июня 1918 г., в Яренске была создана организация, одной из главных целей которой было «образование особой административной зырянской единицы» – общество «Коми котыр» (предполагалась также организация научных экспедиций, создание библиотек и выставок, проведение экскурсий, лекций и т.п.). В число его организаторов и лидеров входили Д.А. Батиев, А.С. Сидоров, В.А. Молодцов, В.И. Лыткин и ряд других видных региональных общественных деятелей. Для Батиева это был первый опыт обращения к проблемам автономии коми народа, а также к краеведческой и культурно-просветительной работе.

Вскоре левые эсеры отказались от союза с большевиками. Руководители большевистской партии пришли к выводу, что в условиях продовольственного кризиса и начинавшейся интервенции продолжать курс на постепенное вытеснение капиталистических элементов города и деревни через систему товарного производства и товарного обращения невозможно. Решено было осуществить ряд чрезвычайных мер в политике и экономике. Одним из первых шагов в этом направлении стало принятие 11 июня 1918 г. декрета ВЦИК о создании деревенских комитетов бедноты (комбедов). Комбеды должны были, во-первых, содействовать органам власти в изъятии излишков и кулацких запасов хлеба, а во-вторых, распределять хлеб, предметы первой необходимости и сельскохозяйственные орудия. В руках комбедов оказывалась огромная власть, которая позволяла им не считаться с мнением остальной – большей части крестьянства, что могло привести к расколу и кровопролитию в деревне.

Эту опасность понимали Д.А. Батиев и другие руководители уездов Коми края, не ставшие создавать комбеды. IV Яренский уездный съезд Советов отверг решение о создании комбедов и продотрядов. Аналогичную позицию заняли власти Усть-Сысольского и Печорского уездов. Осуществить (или, по крайней мере, возглавить осуществление) провозглашенных мер могли – и должны были – лишь коммунисты, от которых этого требовала как партийная дисциплина, так и собственная убежденность в необходимости скорейшего построения социализма. Но в Коми крае коммунисты не пользовались известностью и авторитетом в массах.

Об этом сообщали и руководители местных парторганизаций. В докладе Яренского уездного комитета (укома) РКП(б) от 19 марта 1919 г. говорилось: «Организационная и агитационная работа (коммунистов – авт.) в... Яренском уезде началась вести только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке». 31 июня 1918 г. губернское

руководство разослало на места свое указание о необходимости «разгонять вооруженной силой» неугодные большевикам Советы. В июле левые эсеры в Москве выступили против коммунистов. Но в Яренском уезде отношения между различными партиями были еще довольно спокойными. Собственно, в Яренске распоряжение о «разгоне» уездного совета, руководимого Батиевым и его товарищами, до сентября 1918 г. выполнять было некому, хотя уже летом здесь появились посланцы губернских властей, среди которых были братья Степан и Павел Покровские, уроженцы вычегодского села Пезмог, сыновья священника и педагога Ивана Степановича Покровского, уважаемого в Коми крае человека, оказавшего, в частности, немалую помощь в поступлении в школу в с. Гам своему дальнему родственнику П.А. Сорокину. Во время учебы в школе Питирим Сорокин сблизился с семьей Покровских, вероятно, довольно тесно общался с сыновьями Ивана Степановича и, покинув Гам в 1904 г., сохранил о них самые лучшие впечатления. 14 лет спустя им впору было смотреть друг на друга только в прицел винтовки – судьба развела их по разные стороны баррикад.

Братья Покровские, учась в Юрьевском (Тартуском) университете, попали под влияние социал-демократов, после захвата Юрьева немцами уехали в Вологду, сотрудничали там в местной печати. Степан Покровский, в частности, активно писал статьи для различных газет, причем как большевистских, так и эсеровских. Сорокину в июле 1918 г. пришлось уйти в подполье, скрываться в лесах. 13 июля председатель Северо-Двинского губисполкома И.М. Шумилов распорядился произвести «следствие по контрреволюционной деятельности П.А. Сорокина» и арестовать его в случае необходимости; по иронии судьбы, Шумилов находился в родстве с Сорокиным, ибо супругой председателя губисполкома была дочь И.С. Покровского Екатерина, приходившаяся, как вы помните, дальней родственницей Питириму Александровичу... В конце концов Сорокин решил сдать чекистам и был заключен в устюжскую тюрьму. П.И. Покровский 15 июля 1918 г. стал секретарем редакции газеты «Известия Вологодского губернского исполкома», но вскоре был направлен в Яренский уезд для работы в агитационном отделе уездного военкомата.

В том же месяце в Яренск приехал и Степан Покровский. Как уже достаточно опытный журналист, он возглавил местную газету «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов». Номер газеты, в котором он впервые указан редактором, вышел 20 июля 1918 г. «Известия...» являлись органом уездного исполнительного комитета, среди членов которого в то время не было ни одного большевика. С.И. Покровский не являлся членом РКП(б), но придерживался пробольшевистских взглядов, что находило выражение в публиковавшихся в газете его статьях. Позиции уездного исполкома в отношении комитетов бедноты (создание которых уездные власти считали

ненужным и даже вредным) и по некоторым другим вопросам расходились с позицией С.И. Покровского. После опубликования одной из его статей, где содержался призыв к обострению классовой борьбы в деревне между различными слоями крестьянства, Батиев и остальные члены исполкома предложили ему изменить тональность выступлений в печати и назначили соредактором газеты левого эсера С. Епова (редактировавшего «Известия...» до приезда Степана Покровского).

Д.А. Батиев летом 1918 г. продолжал работать в исполкоме, занимаясь, в частности, ликвидацией земских учреждений, выполняя поручения в квартирной комиссии, в комиссии по рассмотрению жалования рабочим, в участковом присутствии по подоходным налогам. Он регулярно участвовал в заседаниях уисполкома, на которых решались главные вопросы жизни уезда – 10, 15, 19, 22, 25 июля, 5, 12 августа... 15 августа 1918 г. он присоединился к решению об объявлении Яренска и его окрестностей на осадном положении и создании добровольных дружин из граждан, «стоящих твердо на платформе защиты Советской власти». 22 августа Батиев выступал с докладами об удовлетворении жалованием работников волостных Советов, об организации перевозок по Удорскому тракту.

Постепенно он довольно тесно сошелся с представителями пробольшевистских кругов и, в частности, с братьями Покровскими. Сохранилось несколько фотографий того времени, на которых они запечатлены вместе. Как заместитель комиссара внутреннего управления уездом, Батиев тесно контактировал с представителями военных и административных учреждений Северо-Двинской губернии, куда все же вошел Яренский уезд: в частности, поддержал предложение представителя Котласского военного командования Жавнера провести 1 сентября 1918 г. совместный митинг большевиков и левых эсеров в Яренске «для более широкого ознакомления населения с политическим моментом». Батиев голосовал за обложение частных торговцев налогом и контрибуцией, а также в конце концов поддержал организацию продотрядов. На заседании 2 сентября 1918 г. он участвовал в обсуждении исполкома телеграммы в связи с покушением на Ленина.

Под давление яренских большевиков, организовавших 1 сентября свою парторганизацию, и поддерживавшего их С.А. Жавнера, 9 сентября 1918 г. на объединенном заседании уездного исполкома и комитета яренской ячейки большевиков решено было созвать V съезд крестьянских депутатов Яренского уезда. 10 сентября уездный исполком направил Д.А. Батиева в волости, лежавшие вверх по Вычегде от Яренска в качестве агитатора в связи с предстоящим созывом съезда. А через четыре дня, пока Батиев изучал обстановку в волостях, 14 сентября 1918 г. уездная ЧК и местные коммунисты во главе с братьями Покровскими осуществили в Яренске переворот, отстранили от власти неугодных им руководителей уездного исполкома. Батиев,

видимо, пользовался доверием коммунистов, поскольку те не арестовали его и даже не вывели из исполкома, а лишь назначили ему временного заместителя: «От исполкома до приезда Батиева назначается товарищ Васев» (в квартирную комиссию). По возвращении из командировки Батиев вступил в свои обязанности (25 сентября был опубликован подписанный им приказ). 23 сентября Д.А. Батиев доложил исполкому о политической обстановке в тех волостях, где он побывал. По его докладу исполком принял решение о более активной поддержке комитетов деревенской бедноты, постановив, в частности: «...2) Выразить пожелание, чтобы комитеты деревенской бедноты чаще навещались членами уездного исполкома; 3) Все лица, тайно или явно агитирующие против комитетов деревенской бедноты или тормозящие их работу, ...будут привлекаться к строжайшей ответственности». До 1 октября 1918 г. – дня открытия V уездного съезда – Батиев оставался членом уисполкома.

В новый состав этого органа он не вошел, уехал в Петроград на учебу. Яренский уисполком выдал ему пособие для проезда туда и назначил ежемесячное пособие до получения государственной стипендии. Как уже говорилось, Дмитрий Александрович поступил на юридический факультет Петроградского университета – туда же, где раньше учились П.А. Сорокин и Н.Д. Кондратьев... Одновременно он посещал занятия в Институте живого слова, совершенствуя ораторское мастерство. Надо полагать, в это время Батиев отошел от левоэсеровских взглядов – тогда же, когда П.А. Сорокин написал свое знаменитое письмо о выходе из партии эсеров.

В июне 1919 г., по окончании учебного года, Батиев вернулся в Яренск, был кооптирован в уисполком, вступил в РКП(б). Стоит отметить, что в то время большевистская организация в Яренском уезде, как и во всем Коми крае, переживала острый кризис, резко сократилась ее численность, упал авторитет, росло недовольство деятельностью коммунистов. Многие партийки распались, потому что «были созданы скороспело, а члены, вошедшие в ячейки, не были достаточно убеждены в идеи коммунизма», – говорилось в отчете Яренского уездного комитета РКП(б) за май 1919 г. «Ячейки, которые еще остались, бездействуют. На деревенских коммунистов население смотрит враждебно». 13 июня 1919 г. Яренский уездный комитет РКП(б) докладывал губернскому комитету партии: «Население относится к коммунистам очень враждебно за то, что коммунисты принимают деятельное участие в реквизициях... Местным коммунистам стало совершенно невозможно подойти к крестьянским массам и [они] остаются одиночки».

Вступление Батиева в РКП(б) в этих условиях свидетельствовало о его искренней убежденности в том, что правда – за коммунистами (думается, в 1930-е гг. ему пришлось горько пожалеть об этом). В июне–ноябре он являлся членом президиума исполкома и зав. отделом управления, затем – зам. председателя уездного совнархоза. В октябре 1919 г. красные создали в уез-

де революционный военный комитет, членом которого стал и Батиев. Этому комитету была передана вся власть в уезде. Батиев вступил красноармейцем в партизанский отряд. После разгрома белых на Вычегде он уехал в Петроград, где с декабря 1919 г. учился, очевидно, встречался с Сорокиным, затем из-за голода в начале марта 1920 г. вынужден был бросить учебу, с 20 марта преподавал в Айкино, 15 мая 1920 г. стал членом яренского уисполкома, членом президиума и председателем уездного совета народного хозяйства (до середины октября 1920 г.). 29 июня 1920 г. Батиева кооптировали в члены Яренского уездного комитета РКП(б).

После большевистских переворотов лета–осени 1918 г. проекты государственного строительства, создания автономии, да и в целом, идеи коми национального движения на время перестали разрабатываться (можно упомянуть только о комиязычной публикации в «Зырянской жизни» 22 декабря 1918 г., содержащей призыв объединить территории с коми населением «в одну автономную землю»). К ним вернулись уже только в середине 1920 г. Летом 1920 г. началась подготовка к созыву Всезырянского партийного съезда, на котором предполагалось обсудить проблему объединения коми-зырян «в одно целое» в культурном и экономическом отношениях.

Осенью 1920 г. в политической карьере Батиева наметился взлет. В сентябре Д.А. Батиев участвовал в работе Северо-Двинского губернского съезда по просвещению зырян (в Усть-Сысольске), где его выбрали в Зырянский отдел Наркомата по делам национальностей (Наркомнаца) РСФСР. Зырянотдел, призванный заниматься изучением насущных потребностей коми народа и содействием их удовлетворению через органы власти РСФСР, был создан еще 25 ноября 1918 г. 19 декабря в Москву из Коми края были командированы М.А. Молодцова и Е.Ф. Вежева – зав. отделом и секретарь. Но уже в январе 1919 г. из-за сложного положения в Коми крае все сотрудники вернулись на родину для оргработы среди местного населения. Теперь Батиев должен был возродить его. 1 ноября 1920 г. он был командирован в Москву. В середине ноября зырянотдел начал функционировать. Важнейшей задачей отдела стала организация автономного образования для коми народа. Вскоре, 17 ноября 1920 г. орган Наркомнаца газета «Жизнь национальностей» писала: «Несомненно, важной и неотложной задачей является вопрос об автономии коми – этого богатейшего угла Советской Федерации».

18 ноября Коллегия Наркомнаца назначила заведующим зырянотделом двадцатичетырехлетнего Д.А. Батиева. Его коллеги по отделу тоже были молоды: А.А. Молодцовой было двадцать пять лет, Г.А. Старцеву – девятнадцать... Появление молодого Батиева на одном из ответственных и важных для судеб коми народа постов не было случайным. Его неумная, порой бьющая через край энергия, недюжинные организаторские способности, уверенность в своих силах были к тому времени достаточно хорошо известны в

Коми крае – недаром Батиев, единственный из троих был избран в зырянотдел единогласно.

Д.А. Батиев возглавил работу по созданию Коми автономии. Возможно, тогда возобновились его контакты с Н.Д. Кондратьевым, который жил в Москве, работал в Плановой комиссии Наркомзема, потом, видимо, в организациях, связанных с Наркомфином. За какой-нибудь месяц сотрудники зырянотдела под руководством Батиева добились ряда важных результатов. Позднее, в январе 1921 г., I Всезырянский съезд (конференция) коммунистов принял специальную резолюцию, где говорилось: «Заслушав доклад о деятельности Зырянотдела Наркомнаца, конференция констатирует большие достижения в короткий срок для народа коми, как то: 1. Открытие зырянского педагогического института (Институт народного образования авт.). 2. Возможность созвать Первую Всезырянскую конференцию РКП большевиков. 3. Представление докладов в Президиум ВЦИК и Наркомнац о выделении в самостоятельную единицу народа коми и принципиальное согласие на это центральных властей Российской республики...».

Именно Батиев сыграл ключевую роль в том, что ВЦИК и Наркомнац согласились на образование Коми автономии. 16 декабря 1920 г. Батиев выступил с докладом в Наркомнаце и Президиуме ВЦИК, отметил, что создание автономного правительства позволит лучше организовать народное хозяйство, снабжение коми народа. Языковая и культурная близость местного правительства и населения, по его словам, гарантировали бы «доверие и симпатию» избирателей к руководству автономии. «Национальное правительство», подчеркивал Батиев, должно обладать «в полной мере» правами в развитии культуры и народного хозяйства. Дмитрий Александрович подготовил для обсуждения во ВЦИК и Совнарком РСФСР проект основных положений об образовании Зырянской АССР из 16 пунктов. Таким образом, уже в начале работы над созданием Коми автономии он предлагал учредить ее в форме республики. В целом продуманный проект Батиева содержал в то же время некоторые нереальные или наивные предложения, вроде создание «отдельной зырянской армии из одного корпуса». Но надо принять во внимание, что это было время поисков, первых шагов и первых опытов в национально-государственном строительстве народов России.

Наступил 1921 г., ставший для Батиева, наверное, самым бурным годом его жизни, наполненным и радостными, и горькими событиями. В январе 1921 г. в Усть-Сысольске состоялся Первый Всезырянский съезд коммунистов. Батиев участвовал в нем как делегат от ЦК РКП(б), и именно в этом качестве он 8 января открыл съезд. 9 января Батиев выступил с докладом, в котором изложил свои взгляды на образование Коми автономии: «Мы приступаем к новому строительству и поднятию экономического благосостояния страны... Необходимо в данный момент поднять на должную высоту

ту культурный и экономический уровень народа коми; для осуществления означенной задачи необходимо выделить его в отдельную самостоятельную административную единицу». Он предложил создать Советскую социалистическую республику Коми в составе РСФСР. Позднее Батиев еще не раз выступал на съезде, отстаивая свои взгляды.

В выступлениях на съезде и в ряде ранее разработанных проектов Батиев предлагал создать Советскую социалистическую республику Коми в составе РСФСР. В эту республику он считал нужным включить территорию, почти в семь раз(!) превышающую современную Республику Коми, в частности низовья Печоры (дабы иметь выход к морю), земли, населенные коми-пермяками, ненцами, зауральские районы с коми населением, архипелаг Новая Земля и некоторые другие острова Северного Ледовитого океана... Поднимал он вопрос и о возможном объединении в одну республику с удмуртами. (К слову сказать, в Удмуртии тоже были сторонники этого; активнейшим образом выступал за создание единой с коми-зырянами и коми-пермяками республики и за единый литературный язык известный удмуртский писатель и ученый Кузубай Герд). Республика, подчеркивал Батиев, должна иметь свою национальную армию (подчиненную, правда, Реввоенсовету РСФСР) и полное право самостоятельно распоряжаться природными богатствами. Коми республика должна была стать столь обширной и населенной (около 850 тыс. чел.), что ее предлагалось разделить на три губернии. Особенный резонанс вызвали слова Дмитрия Александровича о том, что не только проклятый царизм душил национальное самосознание коми, но и Советское правительство ведет все ту же русификаторскую политику...

Предложения Батиева вызвали бурю споров. Руководство Северо-Двинской, Архангельской, Вятской, Пермской, Казанской и Тобольской губерний, которые должны были лишиться изрядной части своих территорий, заявили, что ничего в Коми автономии не отдадут, да и вообще никакая автономия коми народу не нужна. Среди коми коммунистов тоже было немало противников автономии. Один из них, А.В. Нахлупин, сказал: «В нашей коммунистической среде... имеются националистические тенденции»; коммунисты-сторонники автономии «попали под влияние националистов беспартийных». «У нас нет литературы, литературного языка и своей культуры и говорить о возрождении смешно».

Батиев оказал сильное влияние на выработку тезисов об образовании Коми автономии, принятых съездом. Основные их положения были взяты из его доклада. Съезд высказался за создание автономной республики в составе РСФСР (на чем настаивал Батиев в своем заключительном слове), правда, не столь обширной, как хотелось Дмитрию Александровичу. В автономную республику должны были войти Усть-Сысольский и Печорский уезды, коми волости Яренского и других соседних уездов, населенные коми-пермяками территории Пермской и Вятской губерний.

Серьезная дискуссия развернулась по вопросу «об окончательном принятии конструкции управления республики Коми». После жарких споров многие предложения Батиева были отклонены (в том числе его идея о создании национальной коми армии, которая должна была, конечно, подчиняться Реввоенсовету РСФСР). Но ряд его идей делегаты поддержали: в частности, мысль о полном праве коми народа на природные богатства края: «Все заводы, рудники и богатства на поверхности и в недрах земли переходят в непосредственное ведение» Совета народного хозяйства Коми республики. «Вся жизнь сосредоточена в экономике, – подчеркнул Батиев, – и мы имеем полное право утилизации всех богатств». Съезд также принял его предложение о том, чтобы с территории Коми республики не вывозилось продовольствие. 13 января состоялись выборы в руководящие органы Коми автономии. Батиев стал заместителем председателя республиканского ревкома. 15 января его выбрали кандидатом в члены областкома РКП(б). Кроме того, он остался главой Зырянотдела, преобразованного весной в Коми представительство при Наркомнаце. Это был наивысший взлет в политической карьере Батиева.

Пожалуй, успех слегка вскружил молодому политику голову; возможно, Дмитрий Александрович счел, что только он сам – тот человек, который наилучшим образом сумеет завершить создание республики. На первом же организационном заседании Коми областного комитета РКП(б) 15 января Батиев даже заявил, что «с настоящим составом областкома... работать не может и даст характеристик ЦК партии, а последний будет отводить некоторых членов областкома». Стоит сказать, что уже во время работы съезда проявились неуступчивость Батиева, непримиримость к иным точкам зрения; порой он демонстративно уходил со съезда, если отклонялись его предложения.

Областком в ответ решил добываться отзыва Батиева из Наркомнаца, а докладывать ЦК РКП(б) о решениях Всезырянского съезда поручил А.В. Нахлупину. Тот объявил московскому начальству, что ни о каком национальном возрождении коми в автономии не может быть и речи, и что только пять-шесть беспартийных интеллигентов «возрождают» коми народ и своими идеями об автономизации морочат головы честным большевикам-интернационалистам... Губернские партийно-советские лидеры были того же мнения. Руководители формировавшейся Коми автономии схватились за головы – все труды могли пойти насмарку – и предпочли снова задействовать в Москве энергичнейшего Батиева, тем более, что за последнего заступились его яренские коллеги («яренскими товарищами был внесен вопрос вновь о возвращении прав Батиеву, что и было сделано», – было сказано на сей счет на II Всекоми съезде коммунистов в январе 1922 г.).

Д.А. Батиев вернулся в столицу, продолжал руководить Зырянотделом, а затем Коми представительством при Наркомнаце. Из-за отдаленности Коми края от центра, плохих путей сообщения и связи многие вопросы решались

Батиевым в Москве самостоятельно. Он, в сущности, являлся фактическим лидером формировавшейся автономии. Батиев обращался во все инстанции, в какие только можно, спорил, доказывал, что автономия нужна, разъяснял, что это за народ – коми (иные из лидеров страны путали коми с чукчами и коряками), «везде и всюду поспевая сам, не спал ночей, в вятских лаптях заходил в Кремль» (из письма Батиева Енукидзе). Стремясь подчеркнуть, что коми народ имеет многовековую историю и вполне достоин автономии, Батиев в представленном в ЦК РКП(б) докладе заявил, что коми некогда заселяли весь центр России, и что Москва – коми название, означающее «Коровья вода». Надо думать, этот аргумент имел успех... Вместе с тем Батиев отвергал обвинение в национализме, говорил, что он интернационалист и считает, что при социализме «е будет ни эллин, ни иудей, ни раб, но свободный человек, как некогда говорил Христос».

Работа сталкивала Батиева со многими известными политическими деятелями. Он был хорошо знаком с секретарем ВЦИК А. Енукидзе, его знали М.И. Калинин, И.В. Сталин, А.И. Рыков, Е.М. Ярославский. Земляки Батиева по Гаму утверждают, что среди конфискованных в 1930-е гг. документах Батиева имела фотография, на которой Дмитрий Александрович запечатлен вместе с В.И. Лениным.

«Обработкой» российского руководства Батиев не ограничивался. Он взялся даже за организацию своего рода коми коммунистического подполья в уездах с русско-коми населением! В Яренском уезде в марте 1921 г. по его инициативе состоялось тайное совещание уездных руководящих работников-коми, на котором решено было втайне от своих русских коллег по руководству всеми силами способствовать скорейшему образованию Коми автономии, передаче коми волостей Яренского уезда в состав автономии и заблаговременному укреплению экономической и культурной базы коми волостей за счет остальных. Планировалось, в частности, перевести электростанцию в Серегово, педагогические курсы – в Айкино. «Заговорщики» разъехались по коми районам для подготовки соответствующих требований, которые должно было выдвинуть местное население. Эта история стала достоянием гласности, разразился страшный скандал. Нескольких «заговорщиков» арестовали, Батиева обвинили в том, что он агитировал срывать лесозаготовки в уезде... Для улаживания конфликта в Яренск послали комиссию из представителей ЦК и губкома РКП(б). В конце концов кончилось тем, что кое-кого из «подпольщиков» перевели на работу в другие уезды.

Мечтой Батиева было превращение Коми края в индустриально развитый регион. Пока край представлял собой сырьевой придаток: «Так жили и живем в настоящее время, – писал он. – Работаем много: возим, возим лес и никто ничего не дает». Для разработки стратегии экономического развития в марте 1921 г. Батиев организовал Экономический совет, быстро ставший

чем-то вроде «теневого правительства» Коми области. Он состоял из шести секций, в которые по инициативе Батиева пригласили московских специалистов и ученых. Не исключено, что Батиев привлекал к участию в работе этого совещания и Н.Д. Кондратьева – или, по крайней мере, порой обращался к нему за консультациями. Здесь выдвигались, обсуждались и принимались самые разные проекты, порой казавшиеся довольно фантастическими, однако же во многих из них был свой резон.

На повестку дня ставилось строительство крупного морского порта на побережье Северного Ледовитого океана в незамерзающем устье р.Индиги, канала Печора–Индига, железных дорог Пермь–Печора и Индига–Усть-Ухта, развитие лесной и нефтяной промышленности, поиск и разработка других полезных ископаемых, передача Коми республике части морского флота... Были заключены договоры на разработку лесных материалов, постройку кирпичных заводов в области. Не вдаваясь в подробное обсуждение плюсов и минусов тех или иных проектов, отметим все же, что проблема строительства железнодорожных магистралей через территорию Коми, связавших бы различные регионы страны друг с другом, открывших бы возможности для подвоза товаров к морскому порту, была поставлена Батиевым и его коллегами вполне справедливо. Сегодня эта проблема вновь обсуждается, уже на новом уровне, с несколько иными подходами, но тем не менее в каком-то смысле проект строительства «Белкомура» есть продолжение и развитие идей, отстаивавшихся Дмитрием Александровичем и его коллегами еще в начале двадцатых годов.

Предпринимались попытки внедрять новации не только в индустрии и транспорте. На Алтае на 20 миллионов рублей закупили пчел, дабы развивать в Коми пчеловодство и торговать медом. Эти расходы, как и выплата задатков по расторгнутым позднее ревкомом договорам (250 миллионов), стали затем одним из главных обвинений, выдвинутых против Батиева, Молодцовой и Елфимова. Но возлагать ответственность за невыгодные договоры только на представительство несправедливо, так как все они обсуждались в ревкоме и других областных органах (в том числе и вопрос о закупке пчел) и не вызывали возражений. Не забывали и о рекламе: планировалось организовать издание журнала на французском языке, чтобы о Коми области могли читать за рубежом. Были налажены контакты с научными учреждениями, организованы поиски и обследования месторождений полезных ископаемых на Печоре и Ухте. Работал Экономический совет в Москве; впрочем, однажды Батиев взял с собой нескольких его сотрудников и на специальном пароходе в сопровождении оркестра прибыл с визитом в Усть-Сысольск. Пребывавших там областных лидеров просто зависть брала от такого шика.

Д.А. Батиев, конечно, был сыном своего времени, и иные из его предложений, казавшиеся, видимо, вполне естественными коммунистическим ли-

дерам страны и регионов той эпохи, сегодня в наших глазах выглядят совсем иначе. В апреле 1921 г. Батиев предложил организовать на р. Ухте огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках. 20 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В.И. Ленина решило организовать такой лагерь на 10–20 тыс. чел. В конце апреля того же года Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». Д.А. Батиев являлся членом комиссии по организации ухтинского концлагеря, образованной при ВЧК. Создание лагеря затянулось до 1929 г., когда сам Батиев оказался одним из первых кандидатов в его узники...

Пока готовились документы, обосновавшие необходимость создания Коми автономной республики, пока они проходили по инстанциям (в частности, через НКВД), минуло три месяца. 25 апреля 1921 г. вопрос о Коми автономии обсуждал Совет национальностей Наркомнаца. Батиев убеждал присутствовавших «высказаться за выделение народа коми в автономную республику». Один из его аргументов заключался в том, что «такая республика явится буфером, ограждающим РСФСР от нападения ее врагов с севера». Однако будущий «отец народов» И.В. Сталин, возглавлявший тогда Наркомнац, был настроен против республики – достаточно будет и автономной области, рассудил он. Сталина поддержали другие члены Совета национальностей. Только один Батиев не согласился с Иосифом Виссарионовичем и потребовал внести в протокол и свое особое мнение на сей счет. Он предлагал провозгласить пока лишь необходимость создания автономии, а выбор ее формы был бы поручен «съезду Советов народа коми».

Президиум ВЦИК особое мнение Батиева во внимание не принял, и 5 мая 1921 г. постановил образовать Коми автономную область, вопрос о границах которой оставался пока открытым. 12 мая 1921 г. Президиум ВЦИК официально утвердил состав Коми (Зырянского) представительства (так стал называться бывший зырянотдел) при Наркомнаце: Д.А. Батиев – председатель, А.А. Молодцова – зам. председателя, В.Х. Елфимов – член коллегии. Власти Архангельской губернии поначалу, в мае 1921 г., возражали только против передачи в Коми автономии русских волостей и островов, но в июне пришли к мнению, что создавать Зырянскую АО вовсе не следует, и предложили коми ревкому и областкому РКП(б) заниматься только культурно-просветительскими вопросами среди коми населения разных губерний. Решительно против передачи коми-пермяцких волостей в Коми область был настроен Пермский губисполком. Батиев и его коллеги по Коми представительству делали все для того, чтобы отстоять идею об обширной Коми республике (или хотя бы области). В докладе на заседании Наркомнаца 28 июня 1921 г. они настаивали на включении в Коми область всего

Прикамья, всей Печоры, островов Новая Земля, Вайгач, Колгуев и даже Шпицберген, побережья Северного Ледовитого океана с Чешской и Карской губами, Глазовского уезда Вятской губернии. Батиев неоднократно выезжал на места, выступал в волостях с коми населением, направлял деятельность уполномоченных Коми облревкома при губисполкомах по выделению территорий, материальных ценностей, учету специалистов из коми-зырян. Но не все районы, где Батиев намеревался побывать, он смог посетить. По каким-то причинам Дмитрий Александрович так и не поехал в Пермь и Вятку (Киров). В докладе о работе обкома РКП(б) на II Всекоми съезде коммунистов говорилось, что Батиев «обещал заехать в Пермь, вятку и Устюг для того, чтобы получить согласие на выделение. Заехал только в Устюг, и то показал себя лишь с худшей стороны, а в остальных не был и даже не поставил в известность обком, чтобы командировали представителя» вместо Батиева.

Наконец 22 августа 1921 г. был подписан декрет ВЦИК «Об автономной области Коми (Зырян)», в котором территория области ограничивалась, однако, примерно рамками современной Республики Коми (без Усть-Цильмы). 27 августа появился знаменитый приказ № 1 Коми ревкома о вступлении его в управление автономной областью. Не обошлось и без перегибов. Так, Батиев своей властью распространил действие приказа № 1 на территорию Коми-пермяцкого края. Уполномоченный ревкома Некрасов, получив в Перми этот приказ, поехал к коми-пермякам и объявил, чтобы отныне они не давали продиалог губернским властям. Возник большой скандал, пришлось вмешаться центральным органам...

На плечах Коми представительства лежала тяжелая ноша – надо было составлять проекты экономического развития, подбирать кадры, добиваться выделения денег, организовать поставки в Коми область медикаментов, одежды, продовольствия – всего, в чем нуждалась молодая автономия. Батиеву и его коллегам пришлось столкнуться с коррупцией, уже успевшей подобно ржавчине разъесть управленческий аппарат советской России. Вот что показал на допросе в ГПУ сотрудник облздравотдела Н.Г. Савченко: «Вскоре после утверждения Коми представительства ВЦИКом наркоматы начали протекционно отпускать на нужды области все виды... снабжения... Говорилось открыто на заседаниях представительства, что все эти «протекционные» отпуски-получки были связаны со взятками, на что представительство смотрело как на должное, говоря «получаем на миллиарды, даем миллионы – не давать, значит ничего не получать, – мы не теряем, а наоборот приобретаем и т.д. Под такой подкладкой были получены грузы из Центросоюза, НКФ (наркомата финансов. – *Авт.*) (деньги), НКпрода – продукты, обувь, мануфактура, в том числе и продукты диетического питания для больных...». За все это приходилось платить нечистым на руку чиновникам, от которых зависело, дать ли товар немедленно или бесконечно откладывать исполнение заказа (в условиях

всеобщего дефицита и жесточайшей регламентации распределения власти чиновника была огромной). Приходилось прибегать и к услугам маклеров, устраивавших необходимые закупки. При этом к рукам их, очевидно, прилипали немалые суммы. Одним из таких маклеров был московский нэпман Л.Н. Мадатов, который, согласно показаниям Савченко, «сам говорил, что он очень хорошо у зырян зарабатывает».

Не будем оправдывать поступки Батиева, Молодцовой и Елфимова, но нельзя не учитывать, что если бы не эти вынужденные взятки, Коми область вряд ли получила бы такое количество средств и товаров... О том, что к даче взяток вынуждала система, а не личные качества сотрудников Коми представительства, говорит такой факт: сменивший Батиева в представительстве В.И. Сорвачев (в январе 1922 г. он стал председателем Коми облизполкома) также был обвинен в даче взяток, на сей раз сотрудникам Госплана (утрашали смету расходов, план социально-экономического развития Коми области). Вопрос о растрате Сорвачевым 400 червонцев, об устроенном им «ужине» для чиновников обсуждался в Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), на областной партконференции. В конечном итоге, впрочем, дело кончилось тем, что поступок Сорвачева признали «некоммунистическим», и ему объявили строгий выговор... Стоит упомянуть, что по «делу» Зырянского представительства проходили не только сотрудники последнего, но и зам.комиссара облздрава И.С. Коканин, поручивший Савченко на деньги облздрава купить кое-какие вещи лично для себя, начальник автоотдела облтрамота С.П. Томашский, представлявший представительству подложные счета о покупке запчастей для автомашин.

Ни у Батиева, ни у его коллег по представительству не было никакого опыта в обращении с большими суммами денег. Поначалу «жили они на редкость бедно, т.к. никакими материальными средствами не располагали» (из показаний Н.Г. Савченко). Лишь после официального утверждения Коми автономной области и ее представительства «им были отпущены первые ассигнования, кажется, в сумме 9 миллиардов рублей» (стоит, конечно, помнить о невероятной дешевизне денег в те годы). Тратили ли Батиев, Молодцова или Елфимов деньги на себя лично? Думается, что корыстолюбие было чуждо им. Заявления Н.Г. Савченко, по словам которого Мадатов будто бы «на деньги представительства скупал для тов. Батиева, Ануфриева, Алфимова (Елфимова. – *Авт.*) и Нахлупина ценности (золото, бриллианты)», и супруги Мадатова (последняя, сообщению Колыхматова, грозилась, что расскажет, «как, дескать, каталась Молодцова на рысаках и сколько у представительства проедала на мороженое») даны, вероятно, с целью запутать следствие, отвести от себя подозрение. Батиев, фактически единолично распоряжавшийся деньгами, очень слабо контролировал финансовые дела, строя свои отношения с партнерами в основном на доверии, а не на надлежащем об-

разом оформленных документах (он вообще, судя по всему, терпеть не мог всяческих отчетов и прочей «канцелярщины»), что отнюдь не украшает его как руководителя).

Характерен такой эпизод, рассказанный Н.Г.Савченко со слов сотрудника представительства И.Д. Попвасева: когда однажды потребовалось уточнить расходование денег, «Батиев выгреб из портфеля разного вида клочки бумаги, годные разве только для уборной (были расписки даже на отрывках чистого поля газет). Всех документов было на сумму до 2-х миллиардов рублей». Узнав, что такие «квитанции» не годятся, Батиев, недолго думая, «часть этих «мелких» документов уничтожил, заменив «одним общим» и принял всю сумму на себя, надеясь получить с подотчетных лиц отчеты. Но... Батиев не знает многих подписей, а следовательно, и лиц, взявших у него авансы». В результате получилось, что все эти деньги «повисли» на нем лично, хотя сам Батиев не истратил на свои нужды ни копейки из них... Часть денег ушла не туда, куда полагалось, потому что Батиев, хорошо знавший, что такое голодная студенческая и не только студенческая жизнь, помогал учившимся в Москве коми студентам и командированным в Москву работникам Коми области. Н.Г. Савченко рассказывал на допросе: «Деньги раздавались... зырянским представительством всем... Таково было отношение Батиева к деньгам... Деньги у него кучей валялись на полу...».

Время от времени представительство устраивало небольшие банкеты для власть имущих. Савченко сообщал, например, что однажды Батиев потребовал отдать ему два ящика с алкоголем, которые Савченко оставил у себя, и сказал, что у него будет ужин с наркомами. Известно, что среди знакомых Батиева был А.И. Рыков (заместитель Ленина в Совнаркоме, а после смерти Ленина ставший главой правительства РСФСР), и лечившийся позднее в Германии от алкоголизма. Вероятно, бывали на «ужинах» в Коми представительстве И.В. Сталин, председатель ВЦИК М.И. Калинин, секретарь ВЦИК А.С. Енукидзе и некоторые другие. (Любопытно, что Енукидзе ранее отбывал в Коми крае ссылку; Рыкова ссылали в Усть-Цильму; Сталин был сослан в соседний район – в Сольвычегодск. Калинин оказался подобным образом «связан» с Коми краем гораздо позже, когда в выросшие при социализме местные лагеря угодила его супруга...).

Приезжавшие из Коми области официальные лица тоже не чурались угощения. «Комиссар обособеса т. Багин пьянствует здесь всюю, ...даже был однажды в пьяном виде задержан городской милицией, откуда его пришлось представительству выручать», – докладывали в Усть-Сысольск из столицы. Вероятно, были и дисциплинарные нарушения, в частности, пьянство, о котором говорил Савченко: «Из обкомздора были отпущены спиртные напитки..., все это свезено в склад... Через день я... услышал в складе крики, брань, очевидно, была там драка. Зайдя, я увидел ящики с винами разбитыми, на

полу массу пустой уже битой посуды и пьяные рожи красноармейцев-зырян и тт. Попвасева, Ануфриева...». Батиев и Елфимов по возможности открещивались от этих обвинений. Елфимов утверждал: «Пьянства при мне не было». Батиев заявил: «В большинстве случаев я не знал о выпитии, а узнавал после...». Видимо, какие-то факты имели место, анекдотичным был и случай, когда Батиев, обыгрывая слово «комиссар», объявил себя на каком-то банкете «коми саром» («коми царем». – коми яз.).

Далеко не всегда тщательно проводился представительство набор специалистов для области. В результате могло случиться, что случайный, с неясным прошлым человек оказывался затем на ответственном посту. Именно так было с Н.Г. Савченко, сыгравшем едва ли не роковую роль в судьбе Батиева. По странному и вряд ли случайному совпадению тогда же, когда обнаружились недостатки в работе Савченко, последний послал в зыроблчека письмо о злоупотреблениях Батиева и других работников Коми представительства, на которых он попытался заодно переложить и свою вину: «Медикаменты без меня были представительством изъяты, и самый ценный ящик... с кокаином и другими ценными и ядовитыми веществами... вскрыт и расхищен», – утверждал он позднее на допросе.

Секретарь областкома РКП(б) Я.Ф. Потапов был недоволен чрезмерной самостоятельностью Д.А.Батиева и позднее жаловался, что «областком оказался... простым орудием Батиева» и что вообще реальное руководство областью осуществлял Батиев из Москвы. Ревком потребовал от Батиева отчетов и согласований, но Дмитрий Александрович ограничился лаконичным призывом: «Поменьше канцелярской волокиты и больше целесообразной работы». Терпеть ущемления своих руководящих прав областное начальство не собиралось; Батиев стал слишком влиятельной фигурой, от которой лучше было бы избавиться... Случай представился, когда в Усть-Сысольск поступили «сигналы», что в делах Коми представительства не всё ладно. Батиева отозвали в Усть-Сысольск, Он собирался взять с собой Савченко, 12 сентября послал ему очередную записку с вызовом и даже намеревался арестовать его, дав соответствующее распоряжение Ошмянну. Савченко пообещал выехать в Коми область, но вместо этого исчез.

Д.А. Батиев покинул Москву 14 или 15 сентября 1921 г., а через день-два в представительство пожаловала комиссия рабоче-крестьянской инспекции Наркомнаца, начавшая изучать делопроизводство, финансы и проч. Всплыли данные о взятках, плохой отчетности, банкетах для «наркомов» и других влиятельных лиц из российского руководства... Сотрудники представительства совсем пали духом, и комиссия так сообщала о положении дел: «Никто ничего не делает, потеряли головы, каждый день новости, кто травится, кто давится...». А.А. Молодцова утверждала: «До ревизии РКИ я действительно-го положения дел не знала и не подозревала Батиева в злоупотреблениях».

По ее словам, «выходило как-то так, что все дела справлялись Батиевым и Тебеньковой» (Евстолия Петровна Тебенькова – секретарь представительства, в 1921 г. вышла замуж за Батиева). «Правильно ли расходывались деньги Батиевым я не знаю», так как «на заседаниях представительства никогда председателем... не ставился вопрос, куда и как употреблять ту или иную сумму денег». Когда Молодцова перед отъездом Батиева осведомилась у него о плане дальнейшей работы представительства, по ее словам, «последовал лаконичный ответ: Ленин не делает никаких указаний своему заместителю, когда он бывает в командировках». Молодцова показала, что «Батиев оставил дела представительства в самом хаотическом состоянии». После ревизии РКИ Наркомнаца Молодцова попросила прислать работников из области для налаживания дела. В ответ на это в октябре приехала областная ревизионная комиссия.

Приехав в Усть-Сысольск, Батиев еще участвует в работе руководящих органов области как их полноправный член. 25 сентября заседал Президиум обрешкома, распределялись обязанности между его членами. В постановлении, в частности, говорилось, что «ближайшее руководство» «проведением в жизнь новой экономической политики РСФСР и укреплением и развитием ее основ в области» должно быть поручено Батиеву на время его пребывания в городе Усть-Сысольске». 13 октября Батиев участвовал в заседании Коми ОК РКП(б), посвященном партийному и советскому строительству в области. Но вскоре, 24 октября, председатель зырянской областной Чрезвычайной комиссии Липовский получил донесение от сотрудника зыроблчека Колыхматова, который, сообщив о беспорядках в представительстве («Канцелярия представительства... находится в самом хаотическом беспорядке... Видно, что тут хозяина не было, и кому не лень, тот и был хозяин... Что касается финансовой и хозяйственной стороны, то тут черт ногу сломит... Лучше было бы всю эту компанию собрать и всех предать к суду или прихлопнуть...»), потребовал отправить Батиева в Москву: «Поскорей гоните его в шею сюда, а то нам без него трудно работать... Все ссылаются на Батиева...». 7 ноября Колыхматов писал Липовскому: «Работу вести в комиссии невозможно, в особенности без тов.Батиева, ибо здесь без него ничего не разберешь и не найдешь концов».

15 ноября 1921 г. Батиев был исключен из партии большевиков, 16 ноября снят со всех должностей. Отстранены от должностей были Молодцова и Елфимов. Примечательно, что следствие как таковое еще не началось, а Батиева уже заранее сочли виновным во всем, что творилось в представительстве и даже в том, чего там не происходило, а лишь утверждалось в письмах исчезнувшего сотрудника Савченко. Вероятно, в поспешности, с которой последовало наказание, не последнюю роль сыграли неприязненные отношения, сложившиеся у Батиева со многими руководителями области.

Но уверенности в себе Дмитрий Александрович не потерял. Во второй половине ноября Батиева отправили в Москву разбираться с делами в представительстве. Приехав в столицу, он первым делом потребовал от работавшей там комиссии... отчета о ее работе! Рассерженная комиссия пожаловалась в экономическое управление ВЧК, и Батиев с санкции Коми областкома РКП(б) был посажен под домашний арест, а после сдачи дел новому представительству отправлен на Лубянку, где провел два с половиной месяца. Сам он позднее писал, что «благодаря склокам на месте (т.е. в Усть-Сысольске) я был вовлечен в уголовное дело зырянского представительства». Любопытно, что примерно в то же время большие перемены (и тоже не в лучшую сторону) произошли в судьбе бывшего эсера П.А. Сорокина – его несколько раз собирались арестовывать, в 1921 г. лишили права преподавания, в сентябре 1922 г. выслали за границу... В списке тех, кого намеревались выслать в 1922 г., значился и Н.Д. Кондратьев.

На Лубянке Батиев просидел два с половиной месяца. Скоро стало ясно, что свалить все неполадки в работе Коми представительства на одного Батиева не удастся, а многие обвинения вообще не имели под собой оснований. Не исключено, что те «наркомы», о которых упоминал Савченко, не желали, чтобы их имена в какой-либо связи фигурировали на судебном процессе. Да и областное руководство могло опасаться, что суд, чего доброго, отметит и их ответственность за деятельность представительства и сложившееся в нем положение (особенно, если следствие и суд будут проходить в Москве, а не в области, «под крылышком» местных вождей). Но не поэтому ли уже на II областной партконференции в январе 1922 г. решено было просить передать следствие по делу и арестованного Батиева областным органам?..

В результате заступничества Секретариата ВЦИК и Наркомнаца в феврале 1922 г. Батиева выпустили из тюрьмы под поручительство Енукидзе, Карклина, членов Коллегии Наркомнаца Павловича и Клингера, и до мая 1922 г. он работал в Совете национальностей Наркомнаца заместителем заведующего отделом наименьшинств. Елфимов остался в представительстве, правда, уже не как один из его руководителей. В его письме, адресованном жене и отправленном из Москвы в Усть-Сысольск 23 апреля 1922 г., есть любопытная информация: «Судить ничего не будут... Енукидзе надавил кнопку, а также Карклин... Здесь политика такова: замять это дело, но Батиев, кажется сядет вторично и тогда, конечно, ему не сдобровать... Ходили к Сталину – он теперь секретарь Цека партии и обещался по возможности снабдить нас и ускорить дело... Он принял хорошо, так что можно надеяться, что какую-нибудь помощь да окажет». В начале августа Елфимов писал из Москвы: «Был в Московском трибунале... Я пока не боюсь, обвинений особенных нет, да и не может быть. Сорвачев (В.И. Сорвачев, новый председатель Коми представительства. – *Авт.*) говорит, что нам бояться нечего. Он, наверное,

как свидетель, будет говорить в нашу пользу». В другом письме: «Пока не унываем. Сорвачев говорит, что ерунда». Ссылка на Сорвачева весьма показательна: если даже он, остро конфликтовавший с Батиевым, намеревался свидетельствовать в пользу бывших членов представительства, то можно полагать, что усилия по улаживанию «дела» предпринимались действительно мощные.

Из ВЧК дело по постановлению Президиума ВЦИК было передано в Верховный трибунал ВЦИК, оттуда – в Московский трибунал, где следствие тянулось до конца года, менялись следователи... В конце концов следователь Розов Батиеву, Молодцовой и Елфимову «определил 110 статью, а всю буржуазию освободил от суда», – возмутился позднее Батиев (под «буржуазией» он, вероятно, имел в виду Л.Н. Мадатова и кого-то еще). Московский трибунал, однако, это обвинение не поддержал и, согласно постановлению Верховного Трибунала ВЦИК от 27 ноября 1922 г. передал «дело Зырянского представительства» в судебную коллегия Верховного трибунала (11 декабря), а уже на следующий день помощник прокурора Яковлев сообщил свое решение: следствие «произведено недостаточно полно и нуждается в дополнительных следственных действиях», для чего надо «дело передать в Ревтрибунал области Коми на предмет окончания следствия и рассмотрения по существу». 18 декабря 1922 г. дело (1908 листов), выписка и «пакет с вещественными доказательствами, опечатанный сургучной печатью», были отправлены в трибунал Коми области. Вернулись в Коми область к этому времени и бывшие члены представительства. Батиев в июне 1922 г. приехал в Гам, где тут же взялся за организацию районного союза деревообделочников, затем возглавил областной союз, стал членом облпрофсовета. В 1923 г. Батиева избрали делегатом областного съезда Советов. В 1922 г. у Батиевых родилась дочь Ия, через два года – вторая дочь, получившая имя в честь Коми автономии – Автонома (подрастя, девочка стала стесняться своего необычного имени и предпочитала, чтобы друзья называли ее Тома или Тамара).

Батиев твердо придерживался убеждения, что «действительно виновные Савченко и Мадатов, они скрываются», в то время как «коммунисты-подследственные все время держали себя хорошо и работают до сих пор в совпартучреждениях». «Если были преступления в представительстве, то я не оспариваю их, ибо точно не знаю, но преступления могли совершать московские нэпманы, пользуясь... доверчивостью коми (национальный признак)». На сходную точку зрения в конечном итоге встал и областной суд. 12 мая 1924 г. ВЦИК специальным постановлением распорядился закрыть дело. 30 мая старший следователь облсуда Н. Стенин подписал постановление, подводившее итог почти трехлетнему следствию по «Делу Зырянского представительства». После перечисления выдвинутых против Д.А. Батиева, А.А. Молодцовой и других сотрудников представительства и иных деятелей

обвинений в постановлении делался такой вывод: «Принимая во внимание», что договоры заключались представительством с ведома областных органов власти, «что вино получал и оставлял в представительстве... Савченко, он же им и распоряжался, что деньги и продукты выдавал Батиев учащимся в вузах Коми студентам ввиду их бедственного и безвыходного положения, что выдавал сотрудникам жалование и суточные в размере, превышающем существующие тогда нормы ввиду того, что в это время сотрудники не снабжались НКП (наркомпродом. – *Авт.*) пайками ввиду отсутствия продуктов, Батиев вынужден был прибавить жалование, что было известно ревкому области, каковым были приняты счета. Печать была заказана Батиевым с разрешения ревкома и находилась у него, что было также известно и ревкому; что поступки Молодцовой и Елфимова были совершены ввиду неопытности в делах; что по сему делу главные обвиняемые – Мадатов Лев Николаевич, Савченко Николай Григорьевич и Зверева Валентина Егоровна скрылись от следствия и суда...», дело следует представить в суд на прекращение с учетом ряда амнистий. 2 июля 1924 г. на заседании уголовного отдела Коми облсуда под председательством С.А. Захарова было решено: «Настоящее дело, в силу амнистии от 4 ноября 1921 года, 2 ноября 1922 года, 17 августа 1923 года и постановления ВЦИК от 12 мая 1924 года в отношении обвиняемых Батиева, Молодцовой, Елфимова, Коканина, Томашевского, Ошмяна, Удоратина, Поппасева и Никитина дальнейшим производством прекратить; дело же в отношении Савченко, Мадатова и Зверевой впредь до их розыска... приостановить...». Так закончилось «дело» Зырянского представительства.

До октября 1924 г. Д.А. Батиев руководил союзом деревообделочников, являлся членом областного профсовета, затем находился в командировке в Вятской губернии, а с 16 ноября 1924 г. по 2 февраля 1925 г. являлся ответственным секретарем и членом коллегии Коми облплана. В 1926 г. он состоял членом коллегии защитников при областном суде.

С октября–ноября 1923 г. Д.А. Батиев стал принимать самое активное участие в работе Общества изучения Коми края (ОИКК), быстро выдвинувшись в число его лидеров. Вместе с другими Дмитрий Александрович занимался разработкой структуры общества, программы его деятельности. 4 ноября 1923 г. на общем собрании общества он был избран членом президиума и, вероятно, заместителем председателя ОИКК. Тогда же он предложил издавать краеведческий журнал, подобный тем, что издавались в соседних губерниях. Идею поддержали. Батиев занялся организационной стороной (разработкой сметы расходов и т.п.), и весной следующего года вышел в свет первый номер журнала «Коми му».

В апреле 1924 г. Д.А. Батиев вошел в редколлегию «Коми му» как редактор экономического отдела журнала (позднее, в августе 1926 г. на него возложили обязанность редактировать исторический отдел «Коми му»); правда,

к тому времени Батиев уже не являлся редактором экономического отдела). Тогда же, в апреле 1924-го, Дмитрий Александрович возглавил и один из двух основных отделов Общества изучения Коми края – экономический. 1 июля 1924 г. Д.А. Батиев был избран председателем ОИКК. 23 июля он был принят кандидатом в члены РКП(б). От имени Общества изучения Коми края высокую оценку его общественной деятельности дали члены руководства общества Н.А. Шахов и А.А. Чеусов, подчеркнувшие, что Дмитрий Александрович много делает для развития краеведческого движения и «благодаря своей настойчивой работе... завоевал безусловное доверие и авторитет» в ОИКК.

Первым крупным достижением Батиева на посту председателя Общества изучения Коми края стало открытие Коми областного музея. Основой для областного музея стала коллекция созданного в 1911 г. А.А. Цембером усть-сысольского краеведческого музея, который фактически перестал существовать в 1916 г.; имевшиеся в нем экспонаты хранились без особого порядка в непригодном помещении. В 1918 г. работа Усть-Сысольского музея была возобновлена; его общественным директором являлся А.В. Холопов. Благодаря Обществу изучения Коми края работа музея заметно активизировалась. В 1924 г. для музея выделили деньги и первый (а позднее – второй) этаж дома Сухановых по Республиканской (ныне Орджоникидзе) улице. Торжественное открытие областного музея состоялось 2 ноября 1924 г.; Батиев выступил там с речью о задачах ОИКК. 2 февраля 1925 г. его назначили директором музея, состоявшего тогда из «художественно-исторического» и «общего» отделов. Большое внимание Батиев уделял сбору музейных экспонатов, проводившемуся в области и за ее пределами, пополнению созданной при музее научной библиотеки. Работа шла успешно, что отмечали и руководящие органы. Батиев лично ездил в Москву, Архангельск и Вологду за экспонатами для музея, приобретал для художественного отдела картины местных художников, участвовал в заседаниях президиума областного исполкома, на которых решались вопросы о передаче музею различных предметов старины, изъятых из церквей. Осенью 1926 г. он побывал на музейных курсах в Москве.

Во многом благодаря энергии Батиева ОИКК стало активно действующей организацией, много сделавшей для изучения культуры и быта народа коми, истории, экономики и природных богатств Коми края. самого Батиева живо интересовали, в первую очередь, проблемы экономического развития автономии. Не случайно в декабре 1924 г., отвечая на вопрос анкеты о «склонности к роду занятий», он написал: «Экономическая и национальная работа». Батиев подготовил для одного из собраний общества доклад «Экономические перспективы Коми края», активно участвовал в обсуждении докладов по экономическим вопросам, с которыми выступали в ОИКК

Я.Ф. Потапов и др. Батиев стремился найти такие пути развития, которые помогали бы обеспечить самофинансирование Коми области («Мы до сих пор живем на дотациях! – восклицал он. – Как это исправить?»). Природные богатства области, по его мнению, давали основания говорить о возможности этого. Д.А.Батиев отмечал необходимость установления прямых торговых связей Коми области с другими странами (в частности, предлагал торговать лесом), перспективность развития традиционных отраслей хозяйства местного населения (оленоводство на севере и др.). Во время командировки в Вятскую губернию в октябре 1924 г. Батиев собирал экономические материалы в районах, которые предполагалось включить в Коми область.

Весной 1925 г. на **I областной краеведческой конференции Батиев, являвшийся** одним из руководителей секции производительных сил и экономики, сделал доклад «Производительные силы и экономика Коми области». Делегаты конференции избрали его членом областного бюро краеведения. Батиев стал заместителем председателя облбюро. Занимался Батиев и другими проблемами краеведения. В мае 1924 г. президиум ОИКК принял решение издать «Историю самоопределения народа коми». Для руководства этой работой решили создать комиссию из представителей облполитпросвета, Общества изучения Коми края и областного издательства. От ОИКК в комиссию вошел Батиев. Чем закончилась работа над «Историей самоопределения», не известно. Но есть сведения, что в середине двадцатых годов Батиев написал довольно объемистый труд (15 печатных листов, то есть приблизительно 240 стандартных книжных страниц) «История революции в Коми области» с документальными приложениями. 20 марта 1927 г. Общество изучения Коми края обратилось в Главнауку РСФСР с просьбой оказать содействие в издании этой работы, уже полностью законченной. Возможно, что такое название получила в конечном итоге исследование, начатое в 1924 г. как «История самоопределения»; но вполне возможно также, что это разные работы. «История революции» так и не была издана, поскольку в конце двадцатых Батиев снова попал в разряд «сомнительных» в политическом отношении личностей.

Чрезвычайно активно Батиев занимался изучением природы и климата Коми области. Он являлся председателем Метеорологического совета Усть-Сысольска, много сделал для расширения сети метеорологических станций в области, работал в гидрологической секции ОИКК (это ему впоследствии пригодилось, когда он остался без работы и без средств к существованию). Батиев пропагандировал наблюдения атмосферных явлений, призывая население участвовать в подобных наблюдениях и исследованиях (в частности, в газете «Югид туй» от 15 апреля 1926 г. он предлагал обратить внимание на молнии).

Батиев не остался в стороне и при создании объединения коми писателей. Организационное собрание коми литературных работников состоялось

в Усть-Сысольске 12 марта 1926 г. Завязалась острая дискуссия. Дмитрий Александрович считал «необходимым организацию литературных работников, без чего силы у нас слабы. Необходимо составить план работ и в первую очередь поставить освещение жизни коми народа». Новая организация, говорил Батиев, не будет дублировать литературную секцию ОИКК: «На долю секции литературных работников будет падать собрание материала, изучение быта и прочее, а новая организация будет облекать в художественную форму собранные материалы». «Всем заниматься обо всем нельзя, – убеждал он, – а то у нас ничего не получится. Писатели вполне могут использовать сюжеты из материалов, собранных Обществом изучения Коми края». Точку зрения Батиева подверг критике краевед и общественный деятель А.А. Чеусов: «Позиция, взятая Батиевым, неправильна, Общество изучения Коми края не может давать материалы для организации литературных работников... нужен штаб, нужна планировка работы, но новая организация не нужна, лучше пусть остается секция литературных работников. Централизовать силы, а не распыляться». Споря друг с другом, Батиев и Чеусов были едины в критическом отношении к понятию «пролетарская литература», «пролетарский писатель», вполне справедливо рассуждая, что никакой особой «пролетарской литературы» нет и не будет. Но остальные участники собрания придерживались иной точки зрения, и решено было создать Коми ассоциацию пролетарских писателей.

Д.А. Батиев прилагал немало усилий для того, чтобы научно-исследовательская деятельность ОИКК была возможно более разносторонней, но далеко не все ему удавалось. Так, в январе 1927 г., докладывая о результатах деятельности общества за минувший год, Батиев сообщил, что планировалось организовать работу целого ряда секций ОИКК: географической, почвоведения, геофизической, ботанической, зоологической, литературно-художественной, антропологии и этнологии, археологии и истории, обычного права коми, медицины, библиотеко-библиографической, «пропаганды краеведческих идей», сельскохозяйственной, кооперативной, охоты и рыбных промыслов, торговли и промышленности, оленеводства, лесного хозяйства и колонизации. «Однако, – заявил Батиев, – осуществить секционную работу вследствие абсолютной пассивности членов... не удалось». «Это и понятно, – продолжал он. – Когда мы заинтересовать работников ни в коей мере не в состоянии, никто работать не будет». Дмитрий Александрович был, пожалуй, чересчур критичен: для того, чтобы охватить все планировавшиеся направления краеведческой работы в достаточной мере, нужно было бы, наверное, чтобы каждый из членов ОИКК обладал такой же неумной энергией и таким же стремлением браться сразу за несколько дел, как сам Батиев. В то же время, хотя на заседаниях общества и его секций зачитывалось немного докладов, краеведы активно работали над сбором материалов по истории, этнографии, фольклору и т.д.,

публиковали работы в местных журналах и газетах. Не случайно на заседаниях руководства ОИКК в конце 1926 – начале 1927 гг. обсуждался вопрос об издании научных «Трудов Общества изучения Коми края» (позднее они действительно стали издаваться, но под немного иным названием – «Записки Общества изучения Коми края»). 27 февраля 1927 г. Батиев стал членом Центрального бюро краеведения, руководившего краеведческим движением страны (членом ЦБК он оставался до 16 марта 1930 г.). Дмитрий Александрович пытался установить контакты с высланным за границу Сорокиным, надеясь привлечь его к краеведческой работе, но безуспешно...

Политической деятельностью в этот период Батиев не занимался, хотя оставался приверженцем идеи о создании Коми республики, часто выступал на эту тему в печати, высказывая в своих публикациях те же взгляды на Коми автономию, что и в 1921 г. Он по-прежнему считал, что в национально-государственном строительстве сделан лишь «первый шаг»: с образованием автономной области коми «неизменно идут по пути подъема своей культуры и развития социалистического хозяйства», но для полноценного развития Коми АО требовалось, по его мнению, объединение зырян и пермяков в составе «отдельной» автономной республики, а также присоединение к ней территории в бассейне нижней Печоры: «...ибо только при соединении всего народа коми (пермяков и зырян и Нижней Печоры) в форме автономной республики возможно культурно-экономическое возрождение этого народа в целом», – писал Батиев в статье «К трехлетию автономной области Коми», опубликованной в «Коми му» в 1924 г. Идеи об объединении европейского северо-востока России, кстати, актуальны и сегодня: не случайно на повестку дня некоторые политики ставят вопрос о слиянии Республики Коми и Ненецкого округа. Так что и здесь Дмитрий Александрович, можно сказать, опередил время.

В статье «К вопросу об объединении всего народа коми», также напечатанной в «Коми му» в 1924 г., Д.А. Батиев настаивал на «присоединении вообще всех коми к образованной уже их автономной области» (он имел в виду пермяков Кудымкарского края Пермской губернии и Зюздинского края Вятской губернии), пытался доказать наличие исторически сложившихся между ними экономических связей. Но тезис этот был не очень убедительным, поскольку пути сообщения между названными краями и Коми областью находились в зачаточном состоянии. Дмитрий Александрович предлагал объединить пермяков Пермской и Вятской губерний в округ с центром в Кудымкаре с последующим включением в состав Коми области. Такие взгляды высказывались не только Батиевым. Их поддерживали многие руководители области, они декларировались Коми областными съездами Советов. В «Вестнике Коми обкома РКП(б)» отстаивалась необходимость создания Коми республики, включавшей бы острова Шпицберген, Новая Земля, Вайгач...

В редакционной статье журнала «Коми му» (в редколлегию входили Д.А. Батиев, А.А. Маегов, А.С. Сидоров, А.Я. Фомин и М.Н. Харатов), напечатанной в 1926 г. и имевшей программное значение, выдвигалось требование присоединить к области и зауральских коми. Как член редколлегии, Батиев разделял следующее мнение: национально-государственное строительство коми народа не закончено; Коми область не должна входить в состав обширной Северо-Восточной области (идея объединить Коми АО, Вологодскую и Архангельскую губернии в эту область возникла в середине двадцатых годов), так как может утратить свою национальную самостоятельность; необходимо сохранить Коми автономную область и присоединить к ней Коми-Пермяцкий округ, нижнюю Печору и прилегающие острова Северного Ледовитого океана. Эти положения были подтверждены на **I областной краеведческой конференции**. Их поддержала вся коми интеллигенция и областное руководство. Однако в 1929 г. Коми область все же была включена в Северный край.

Батиев воспринял это как личную трагедию. «Коми область, – писал он А.С. Енукидзе в октябре 1933 г., – ...превратилась в обыкновенный район, ...и теперь все отделы ...края диктуют жизнью коми народа во всех деталях... Коми народ потерял всякие автономные права... Я потерял всякое доверие к Центру в разрешении данного вопроса... В таком положении, как сейчас, эта территория оставаться не может, так как в нашем крае ничего нового не видно, строили одну... дорогу... и то приостановили, заводы не строятся, только пишут, кричат, а дело не идет. И вся политика русского самодержавия нам давала только непосильный ясак, христианскую религию, чиновника и больше ничего. Теперь... дают тоже непосильные налоги, принудительный труд, а о поднятии материальной и духовной культуры только кричат... Край остается сырьевой базой для Москвы. Этому, безусловно, должен быть предел, и теперь каждый коми образованный человек не может мириться с настоящим положением и ищет выход и выход находят именно в образовании самостоятельного государства». По словам Батиева, он намеревался «поставить вопрос в Центре... об образовании советской республики в форме... федерации (объединив туда коми, пермяков, мари, мордву, вотяков, самоедов, остяков и вогул) с территорией от Северного Ледовитого океана с островами до Казани, Уфы, от Мезени до границ Якутской республики, захватывая г. Котлас, Вятку, Пермь... и др. с населением не менее 4-х миллионов». «Ничего плохого» в этой идее Батиев не находил, «так как самоопределение народов вытекает из самой Конституции Советского строя». Может, Дмитрий Александрович и впрямь не видел «ничего плохого» в образовании новой союзной республики в СССР, но «компетентные органы» узрели всё слишком хорошо и взяли его «на карандаш».

В целом дела общества и музея шли неплохо, несмотря на хронический недостаток средств (денег обществу выделялось немного). Батиев, каза-

лось, вполне справлялся с работой организатора краеведческого движения области, но... Относительно благополучная жизнь продолжалась недолго. 10 октября 1927 г. Областная контрольная комиссия во второй раз исключила Батиева из партии большевиков за недисциплинированность и «как идеологически невыдержанного». В марте 1928 г. это решение подтвердила Центральная контрольная комиссия ВКП(б). 1 марта 1928 г. Дмитрия Александровича сняли с должности заведующего музеем (эту должность заняла А.А. Молодцова, работавшая с Батиевым в представительстве), через три дня – с поста председателя ОИКК (на этот пост был избран Н.А. Соснин). Причина была до боли знакома: небрежность в ведении финансовой отчетности. Д.А. Батиев постоянно затягивал представление отчетности в областной финансовый отдел, так что последний пожаловался в областной исполком. Проведенная проверка показала, что – как и в 1921 г. в представительстве – отсутствуют расписки на часть израсходованных денег. Общество задолжало издательству, лесозаводу... Дело опять дошло до суда. Батиева обязали выплатить долги из своего кармана.

Батиев, однако, остался одним из руководителей общества, состоял членом областного бюро краеведения и, как уже говорилось, членом Центрального бюро краеведения. Именно ему президиум ОИКК поручил выступить от имени общества на торжественном заседании облисполкома, посвященном 7-й годовщине Коми автономии. Позднее, на открытии конференции Коми ассоциации пролетарских писателей 7 сентября 1927 г., с приветствием от Общества изучения Коми края также выступил Батиев. Решено было создать издательскую секцию для подготовки к публикации имеющихся в ОИКК материалов. В ее состав вошел и Батиев. Он являлся также членом редколлегии «Записок Общества изучения Коми края».

В апреле 1928 г. руководители ОИКК и облбюро краеведения обсуждали вопрос об участии в издании журнала «Коми му». Мнения высказывались самые разные. Батиев и Чеусов справедливо указывали на то, что «Коми му» все меньше внимания уделяет краеведению, а редколлегия журнала все меньше прислушивается к мнению членов ОИКК. Правление общества рекомендовало включить в состав редколлегии «Коми му» Батиева как представителя ОИКК, но редколлегия отвела его кандидатуру. Батиев настаивал на реорганизации редколлегии журнала, на включении в ее состав людей, которые были бы искренне заинтересованы в краеведческой работе, в ее пропаганде и в публикации материалов о коми народе, Коми крае. В противном случае, говорил он, нет смысла сотрудничать в «Коми му», надо создавать свой печатный орган – если не научный журнал, то хотя бы «краеведческий бюллетень». Но на выпуск журнала или бюллетеня у ОИКК не имелось средств, а изменение редколлегии «Коми му» было не во власти общества. А вскоре краеведов совсем исключили из числа издателей этого журнала.

3 ноября 1928 г. Батиев выступил с докладом о развитии краеведения в Коми области на расширенном заседании Национальной секции Центрального бюро краеведения в Москве. В принятой по его докладу резолюции говорилось: «Доклад признать имеющим большую ценность, принять к сведению и поблагодарить докладчика... Просить докладчика написать статью для «Известий ЦБК» о краеведческой работе в Коми области». Батиев написал такую статью, и она вскоре была опубликована.

Тем временем положение Д.А. Батиева становилось все сложнее и сложнее. Начавшаяся в конце двадцатых годов кампания против краеведов, обвиненных в «идеализации старины» (и особенно «национальной старины») автоматически поставила его как бывшего руководителя и одного из активистов ОИКК в ряды подозрительных личностей. Кроме того, в это смутное время вспомнились и старые грехи Батиева. Я.Ф. Потапов в начале 1929 г. весьма негативно отозвался о деятельности Батиева в период создания автономии. Отзыв был не слишком объективен, но первый камень в сторону Дмитрия Александровича был брошен. Через некоторое время за этим «камнем» последовали и другие...

В течение 14 месяцев, с 1 марта 1928 г. по 1 мая 1929 г., Д.А. Батиев был безработным (в ОИКК работа велась на общественных началах). На работу его брать, видимо, не рвались. Наконец, 1 мая 1929 г. Батиеву удалось устроиться в экспедицию по исследованию сплава и сплавных путей, организованную Центральным советом народного хозяйства СССР. Вначале он работал хронометристом, затем техником по исследованию рек и, наконец, руководил работами «по мелиорации рек Вишерского бассейна». Там Дмитрий Александрович трудился до 1 февраля 1930 г., а затем вновь остался без работы. В мае 1930 г. Батиев участвовал во Всероссийской конференции по краеведению в Москве. 1 августа 1930 г. он поступил экономистом-статистиком в колонизационную экспедицию Наркомата земледелия, занимающуюся исследованием строящейся трассы железной дороги Сыктывкар–Пинюг. Там Батиев работал до 15 октября 1930 г.

В сентябре 1930 г. состоялось торжественное заседание правления ОИКК, посвященное 150-летию присвоения Сыктывкару статуса города. Среди выступивших был и Батиев. «Широкие возможности, данные Октябрьской революцией к самопознанию мелких национальностей, обязывают местную учащуюся молодежь принять живейшее участие в изучении Коми края. Только при таком участии мы сможем сказать не через 150 лет, а через ближайшие десятилетия: да здравствует Сыктывкар – индустриальный центр обширного Коми края!» – сказал он. 17 декабря 1930 г. Батиев поступил в облплан на должность старшего статистика и конъюнктуриста.

Тем временем обстановка в стране и в Коми области складывалась все тревожнее. Повсеместно началась чистка краеведческих органов, аресты

«внедрившихся» в них «вредителей». В этих условиях руководители ОИКК, в том числе и Батиев, 21 мая 1931 г. приняли решение о роспуске общества. Это был протест коми краеведов против установившегося в краеведении поистине аракчеевского режима – и не случайно он вызвал резкую критику со стороны тогдашней «верхушки» краеведческого движения. Во втором номере журнала «Советское краеведение» за 1932 г. появилась статья «За решительный перелом в краеведном движении в Коми области». В ней говорилось, в частности, что «обострение классовой борьбы... выразилось... в оппортунистическом ликвидаторстве и роспуске краеведной организации». Не удивительно, что после таких публикаций бывшие лидеры Общества изучения Коми края отнюдь не стали менее подозрительными в глазах власти.

В период разворачивавшейся всё шире борьбы с «национализмом», «шовинизмом», «вредительством» и т.д. Д.А. Батиев был идеальной фигурой для создания какого-нибудь громкого «дела» типа процесса так называемой «Трудовой крестьянской партии». (Одним из обвиняемых на этом процессе был арестованный в 1930 г. бывший эсер Н.Д. Кондратьев, будто бы намеревавшийся после свержения большевиков стать премьер-министром. Тогда, быть может, Кондратьев горько пожалел, что его не выслали вместе с Сорокиным или что он вернулся в СССР из зарубежной командировки в 1925 г., хотя П.А. Сорокин, которого он посетил тогда, настойчиво советовал Н.Д. Кондратьеву остаться за границей. На свободу Кондратьев больше не вышел и умер в тюрьме в 1938 г.).

Батиеву все чаще стали припоминать события десятилетней давности. Его былые проступки раздувались до неузнаваемости, и отныне его действия в период создания Коми автономии стали характеризоваться как «национал-шовинизм», как попытка оторвать коми народ от Советской России и создать самостоятельное буржуазное государство (и это при том, что Батиев в те давние годы всегда говорил о советской социалистической республике Коми!). Дмитрий Александрович чувствовал приближение трагической развязки и не выдержал ударов судьбы. Нет, он не стал униженно каяться в грехах, добровольно клеветать на невинных, стараясь заслужить прощение и доказать лояльность режиму, переложить хотя бы часть «вины» на чьи-нибудь плечи. Вместо этого он начал сильно пить, пытаясь, видимо, алкоголем заглушить горечь и тревогу. Можно провести параллель с выдающимся деятелем коми культуры В.А. Савиным, которого в тридцатые годы обвиняли в «проведении кулацкой идеологии» в его произведениях. Савин писал в сыктывкарский горком компартии: «Состояние моего здоровья никуда не годится. А реактивная неврастения (т. е. на всякую мелочь я реагирую болезненно) приводит все к одному и тому же – выпивке». Под этими словами мог, очевидно, подписаться и Батиев. 19 сентября 1931 г. его уволили с работы в облплане «за систематическое пьянство».

С 1931 г. Батиев заведовал геологофондами при Коми геобазе – до 1933 г., который стал роковым в его судьбе. В январе 1933 г. распалась семья. А через несколько месяцев Батиев лишился свободы, обвиненный ни больше, ни меньше как в подготовке вооруженного восстания! Еще в 1930 г. столичные чекисты намеревались организовать «дело историков» – хотели объявить «контрреволюционной организацией»... Центральное бюро краеведения и все подчиненные ему краеведческие общества страны! Дескать, коварные академики готовили вооруженное восстание, а местные краеведческие кружки должны были выполнять их директивы. Тогда «процесс академиков» сорвался – главные обвиняемые крупнейшие историки С.Ф. Платонов и Е.В. Тарле наотрез отказались «сознаваться», и вместо желанного гласного процесса пришлось ограничиться ссылкой и тюремным заключением «втихую».

Сотрудники Коми ГПУ воспользовались задумкой своих московских коллег и оказались более «настойчивыми». Арестованный 18 апреля 1933 г. Д.А. Батиев в конце концов вынужден был «сознаться», что в январе 1933 г. он организовал экономо-географический кружок при областном музее только как прикрытия для своей «контрреволюционной организации», возникшей якобы 13 ноября 1932 г. и готовившей вооруженное восстание в Коми области. Члены-корреспонденты этого кружка в районах, ясное дело, должны были готовиться к захвату власти на местах после соответствующего сигнала из Сыктывкара... Конечной целью «контрреволюционной организации» Батиева была будто бы «организация самостоятельной демократической республики» «под протекторатом Финляндии или Англии». Помимо этого, «контрреволюционеры» занимались якобы «пропагандой идей буржуазного национализма», «противодействием коллективизации сельского хозяйства», «агитацией против лесозаготовок и сплава», «распространением пораженческих настроений»...

Нет нужды говорить, каким способом НКВД–ГПУ добивалось «признаний» от арестованных и какова этим «признаниям» цена. Зачастую все «факты», все «антисоветские разговоры» и проч. существовали только в воображении следователей. Однако под некоторыми из показаний Батиева, пожалуй, могли бы подписаться очень многие: «Коммунисты страну довели до нищеты... Особое ярмо наложили на шею крестьянина, который собственным горбом строит благополучие чиновникам-большевикам. С коллективизацией сельского хозяйства мужика сделали бесправным рабом. В стране царит полный произвол. Права нацменьшинств, в частности, нас коми, попрыны...». «Я убеждал крестьян, ...что каждый должен обрабатывать земли столько, чтобы только удовлетворить свои насущные потребности, что увеличение посевных площадей вызовет перевод хозяйства в кулацко-зажиточную часть и экономические и политические репрессии со стороны власти». 25 февраля 1934 г. коллегия ОГПУ СССР приговорила Батиева к пяти годам лишения

свободы по статье 58, пункты 10 и 11 за контрреволюционную агитацию. По иронии судьбы, его отправили в Ухтпечлаг, у истоков создания которого стоял он сам... Были конфискованы труды Д.А. Батиева, в том числе и его «История революции», так и не увидевшая свет.

Имя Батиева стало нарицательным. Без обличения Дмитрия Александровича не обходилась, пожалуй, ни одна важная речь, ни одна общественно-политическая статья. Ф.С. Коковкин, в годы революции и гражданской войны работавший с Батиевым в органах власти Яренского уезда, а затем в областном ревкоме, 27 апреля 1935 г. в газете «За новый Север» назвал бывшего товарища по партии «явно контрреволюционным кулацким буржуазным националистом». 20 июня того же года в той же газете Г.А. Старцев, коллега Батиева по Обществу изучения Коми края, писал о «безобразиях контрреволюционера Батиева 1921 и 1926–29 гг., о безобразиях Общества изучения Коми края при музее, где орудовали его члены...». 18 июля 1935 г. газета «За новый Север» опубликовала большую статью М.П. Минина, хорошо знавшего Батиева по работе в Яренске и в областных органах власти. Призывавший «выкорчевать до конца остатки буржуазного национализма» автор много внимания уделил «одиозной фигуре Д. Батиева»: «законченный тип махрового националиста», «руководитель контрреволюционной организации», «завзятый оформившийся националист-эсер, пролезший в коммунистическую партию», проводивший «присущую ему явно махровую националистическую платформу, свою авантюристическую деятельность». Через два-три года Ф.С. Коковкин, Г.А. Старцев, М.П. Минин сами были репрессированы, и уже другие «критики», преисполнившись «праведного гнева», метали в сторону этих «контрреволюционеров» и «нацшовинистов» громы и молнии...

Из заключения Батиева освободили в 1937 г., он приезжал в Сыктывкар, навещал своих родных. Лагерная жизнь тяжело сказалась на нем. По воспоминаниям старшей дочери Дмитрия Александровича Ии Дмитриевны, ее отец навещал их и выглядел очень болезненным, ходил с трудом, опираясь на палку. Ему не исполнилось тогда и 41 года... Время было тревожное, и Батиев уехал из Коми в Архангельск, жил на квартире своего земляка И.Лудыкова, но это его не спасло. Он был арестован осенью (по другим данным – 31 августа) 1937 г. Ничего нового в вину Батиеву не ставилось; в ходу были прежние беспроегрешные обвинения. На допросе 7 октября 1937 г. Батиев вынужден был подписать «признание» в том, что являлся членом подпольной националистической организации. В вину ему вменялось, в частности, что он «в период развернутого строительства колхозов... выступал как враг коллективизации».

В 1938 г. органы НКВД рапортовали, что ими «вскрыта и изолирована» «контрреволюционная организация буржуазных националистов, работавшая с 1917 года по 1937 год». В числе ее членов назван и Д.А. Батиев.

4 марта 1939 г. состоялся суд над одним из «членов» этой мифической организации И.Г. Коюшевым. На закрытом заседании нарсуда Коми АССР в качестве «свидетеля» допрашивался Батиев, который отказался подтвердить ранее данные показания, пояснив, что его насильно заставили их подписать. Не дал Батиев показаний и против другого обвиняемого – В.Г. Тараканова. Судьба свела их в тюрьме в 1940 г. (вероятно, в начале года). По воспоминаниям Ф.Г. Тараканова, Д.А. Батиев был слаб здоровьем, но дух его не был сломлен: он с пренебрежением отзывался о тех заключенных, которые продолжали верить в мудрость и справедливость Сталина. «Их садит Иосиф I, а они все еще его боготворят», – говорил Батиев Тараканову. В том же году, 9 февраля, Особое совещание при НКВД СССР осудило Д.А. Батиева на три года исправительно-трудовых лагерей по ст. 58, п. 2, 10, 11. Он и его «подельщики» якобы с 1917 по 1937 г. занимались «активной вредительской, диверсионной, террористической, повстанческой, шпионской и прочей деятельностью», стремились свергнуть Советскую власть и присоединиться к Великой Финляндии «от Карелии до Урала»... Сейчас эти обвинения воспринимаются как бред, но в те годы... Ия Дмитриевна Батиева с горечью писала одному из авторов этой работы: «Все мы были под гипнозом и верили, что это были враги народа».

Дмитрий Александрович был отправлен в Кулойлаг – по некоторым данным, на остров Мудьюг, где в годы гражданской войны находился организованный белогвардейцами лагерь для коммунистов. Воевавшего в свое время на стороне красных Батиева судьба уберегла тогда от плена и этого пользовавшегося дурной славой места. Но через много лет после окончания гражданской войны ворота лагеря снова открылись для коммунистов (правда, уже исключенных из партии)... Вероятно, был учтен срок предварительного заключения, т.к. спустя некоторое время Батиев вышел на свободу. Его дочь Ия, поступившая в Новочеркасский индустриальный институт, получила от отца открытку с предложением помогать ей в учебе. Открытка была послана из Кемерово, где, видимо, жил брат Дмитрия Александровича. В августе 1940 г. Батиев вернулся в Гам, где жил до марта 1941 г. Затем он уехал на юг, надеясь поправить там свое здоровье. Однако 9 апреля (по другим данным – 18 июня) 1941 г. его арестовали в г.Сталино (Донецк) и этапировали в Сыктывкар.

На следствии Батиев «признал», что состоял в «контрреволюционной троцкистской организации» вместе с А.М. Мартюшевым, Н.А. Сосниным и другими. За эти «преступления» 3 октября 1941 г. Военный трибунал войск НКВД СССР строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали приговорил Батиева к высшей мере наказания по статьям 17 и 58, пункты 8 и 10, часть 2 – без конфискации имущества «за отсутствием такового у осужденного». Более полутора месяцев Батиев провел в камере смертниц-

ков, где встретил и свое 45-летие. 22 ноября 1941 г. нарком госбезопасности Коми АССР Кабаков и прокурор Коми АССР Фотиев утвердили приговор, отметив, что «правильность его не вызывает сомнений». В этот же день в 4 часа 10 минут утра приговор был приведен в исполнение. (По иронии судьбы дочь Батиева вышла замуж за сына прокурора Фотиева). Упоминания об огромном вкладе Батиева в дело создания Коми автономии на несколько десятилетий исчезли со страниц печатных изданий; в ходу был лишь хлесткий, но вряд ли вполне оправданный термин «батиевщина». Реабилитировали Д.А. Батиева почти через полвека, в 1989 г.

Источники и литература

Вайровская С.В., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Чупров В.И. Борьба за власть в Коми крае в 1917 – середине 1918 года // История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2.

Доброноженко Г.Ф., Кировова Т.А., Максимова Л.А., Рогачев М.Б., Сметанин А.Ф., Сурков Н.И., Таскаев М.В., Турубанов А.Н., Якоб В.В. Коми автономная область в 20-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Т. 2.

Жеребцов И.Л. Дмитрий Батиев // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1990. № 6.

Жеребцов И.Л. Коми край в 1918–1919 гг.: отношение населения к властям // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 1991.

Жеребцов И.Л. Тридцать седьмой год, начавшийся в двадцать девятом // Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. 1994. № 6.

Жеребцов И.Л. Борьба большевиков за власть в Усть-Сысольске и Яренске в 1918 году // Ориентир. 1994. № 1–2.

Жеребцов И.Л. Большевистский переворот в Яренске в 1918 г. // Вычегодский край в истории России. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994.

Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. М., 1996. № 4.

Жеребцов И.Л. Черные годы // Памятники Отечества. М., 1996. № 36.

Жеребцов И.Л. Дело Зырянского представительства // Родники пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. Вып. IV.

Жеребцов И.Л. «Все заводы, рудники и богатства...» // Коми автономия – Республика Коми: от Батиева до Спиридонова. Сыктывкар, 1997.

Жеребцов И.Л. Махровский националист // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 1999. Т. 2.

Жеребцов И.Л. Отец Коми автономии // Связь времен. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.

Жеребцов И.Л. Борьба за власть в 1917 – середине 1918 года // Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.

Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Трагедия Дмитрия Батиева // Родники пармы–93. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Дмитрий Батиев, известный и неизвестный // Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Дмитрий Батиев // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар, 1993.

Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Дмитрий Батиев: политическая деятельность в Яренском уезде // Вычегодский край в истории России. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994.

Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Батиев Дмитрий Александрович // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. Т. 1.

Жеребцов И.Л., Максимова Л.А., Игнатова Н.М., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В. Очерки по истории политических репрессий в Коми. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.

Жеребцов И.Л., Полещиков В.М. Борец за Коми автономию // Полещиков В. И вся его жизнь... Сыктывкар, 2005.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Становление Коми автономии // Связь времен. Сыктывкар, 2000.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Формирование взглядов Дмитрия Батиева // Коми-Пермяцкий округ и Урал: история и современность. Кудымкар, 2000. (Тез. докл. и выступлений на III Международ. науч.-практ. конф. Кудымкар, 17 февраля 2000 г.).

ЭСЕР А.С. СИДОРОВ, ОРГАНИЗАТОР КОМИ НАУКИ

Алексей Семенович Сидоров родился 10 октября 1892 г. в с. Палевицы Яренского уезда Вологодской губернии, в 1907–1911 гг. учился в Тотемской учительской семинарии, закончил в 1918 г. Вологодский учительский институт. А.С. Сидоров стал одним из десяти членов-учредителей Общества изучения Коми края (ОИКК), был избран в правление ОИКК, стал заместителем («товарищем») председателя ОИКК и руководителем археологической секции. В июле 1925 г. на первой Коми областной краеведческой конференции А.С. Сидорова избрали членом президиума и секретарем областного бюро краеведения, а в январе 1926 г. он стал член-корреспондентом Центрального бюро краеведения в Москве. А.С. Сидоров приложил немало усилий для организации областного краеведческого музея и научной библиотеки. Это было время становления коми науки: закладывались основы для развития языкознания, археологии, этнографии, фольклористики, литературоведения. Нужны были исследования по самым разным проблемам. Это определило широту и разнообразие научных интересов А.С. Сидорова, тесно связанных с потребностями молодой коми науки. Результаты его изысканий в области археологии, литературоведения, этнографии, фольклористики, языкознания публиковались в местной печати, вызывая немалый интерес читателей.

Первая опубликованная работа Алексея Семеновича появилась в 1923 г. и была посвящена И.А. Куратову, забытому коми литератору XIX в. Сидоров опубликовал два стихотворения И.А. Куратова и небольшую статью с кратким обзором рукописного наследия поэта с некоторыми биографическими сведениями о нем, подчеркнул важность изучения творчества поэта. До 1920-х гг. творчество И.А. Куратова было мало известно даже специалистам, не говоря уже о широком круге читателей. Благодаря усилиям А.С. Сидорова положение изменилось, и с тех пор признанно считается, что И.А. Куратов – основоположник коми литературы. В 1928 г. в Ленинграде вышла книга А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», посвященная дохристианским верованиям коми, написанная на основе обширнейшего материала, собранного в 1918–1926 гг. и ставшая самым крупным вкладом ученого в исследование этнографии и фольклора коми. Труд ученого стал уникальным источником для последующих поколений исследователей. В 1945 г. в Карело-Финском университете Сидоров защитил кандидатскую диссертацию «Принадлежностно-указательные личные суффиксы в коми языке», а в 1947 г. на заседании ученого совета Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР – докторскую диссертацию «Порядок слов в предложении коми языка», изданную монографией в 1953 г. в Сыктывкаре.

Помимо науки, Алексей Семенович Сидоров в период революции и гражданской войны занимался и политической деятельностью; он был близко знаком с П.А. Сорокиным, признанным впоследствии лидером ПСР, проникся революционными идеями и стал участвовать в агитационно-пропагандистской деятельности эсеров: распространение партийной литературы, прокламаций, беседы и лекции среди населения на политические темы. Во время обучения в Тотемской учительской семинарии и Вологодском учительском институте эсерские убеждения у А.С. Сидорова окончательно сформировались, и в период начавшейся в 1917 г. революции он официально вступил в ПСР.

Временное правительство России продекларировало в марте 1917 г. программу действий, в которой намечались преобразования во всех сферах общественной жизни в стране на принципах демократии. Провозглашались демократические свободы, устанавливалась свобода слова, печати, собраний и стачек, профессиональных союзов – все, за что боролись десятилетиями революционные партии и общества, в том числе и ПСР. Меры по демократизации объединили на время российское общество, обеспечив относительное согласие всех революционных сил. На местах началась смена старых органов власти новыми, обновлялись политические программы, создавались многопартийные системы. Это положение, характерное в целом для страны, было присуще и такой отдаленной и неполитизированной до поры до времени российской провинции, как Коми край. Вологда стала одним из первых губернских центров, где уже 1 марта 1917 г. губернатор лишился своей власти и был образован Временный губернский правительственный комитет, взявший на себя управление губернией. В марте началась реорганизация уездной власти во всех уездах Вологодской губернии.

В Яренском уезде Вологодской губернии весной 1917 г. началось создание политических партий, обществ и союзов. А.С. Сидоров принял самое активное участие в происходящих в губернии политических событиях. 29 мая (11 июня) 1917 г. был реорганизован «в желательном для крестьянства направлении» Яренский уездный Временный Комитет (УВК). В его составе появился официальный представитель партии эсеров А.А. Черепанов, а также представители рабочих типографии, солдат, профсоюзов служащих и один портной. Председателем УВК оставался уездный комиссар К.Е. Добряков. Как сообщал позднее (2 августа 1917 г.) С.П. Гулынин, «партийная организация социалистов-революционеров должна была взять на себя организацию Яренского совета крестьянских депутатов, для чего и был созван съезд крестьянских депутатов». I съезд Советов крестьянских депутатов Яренского уезда открылся 30 мая 1917 г. и объявил себя выразителем интересов всего крестьянства уезда. А.С. Сидоров принял участие в работе съезда, как крестьянский делегат от Палевицкой волости. В те же дни проводились

выборы в земскую управу, продовольственный и земельный комитеты, куда, по словам С.П. Гулынина, «удалось выдвинуть членов партии социалистов-революционеров». А.С. Сидоров был выбран членом Яренской Земской Управы.

20 июня 1917 г. вышел первый номер «Яренской газеты» – одной из первых газет Коми края, издававшейся «при ближайшем участии» исполкома Совета крестьянских депутатов и уездной организации эсеров и сыгравшей огромную роль в пропаганде демократических идей и эсеровской идеологии. А.С. Сидоров принял самое активное участие в организации выхода первого номера газеты, по свидетельству М.И. Бурлыкиной именно авторству А.С. Сидорова принадлежит эсеровский слоган «Яренской газеты»: «В знании и борьбе – право и сила». Газета издавалась как минимум до мая 1918 г., и возможно до сентября 1918 г. (в некоторых публикациях по истории Коми края ошибочно считается, что ее последний номер вышел в феврале 1918 г.). Тираж «Яренской газеты» достигал 250–300 экз. Широкое распространение в регионе получала и другая эсеровская печатная продукция (книги, брошюры, плакаты), а также губернские газеты «Вольный голос Севера», «Воля Севера» и др., находящиеся под контролем ПСР. В 1917 г. А.С. Сидоров часто публиковался на страницах «Яренской газеты», поддерживая политику Временного правительства и партийную линию ПСР.

В июле–августе 1917 г. политическая жизнь в центре и провинции чрезвычайно активизировалась. Начиналась избирательная кампания в Учредительное собрание. А.С. Сидоров участвовал в организации митингов, собраний и бесед с избирателями в Яренском уезде, как активный деятель ПСР. Совместно с П.А. Сорокиным он принял участие в выступлениях на многотысячном митинге сторонников ПСР в Великом Устюге в июле 1917 г. В начале августа 1917 г. А.С. Сидоров стал одним из организаторов состоявшегося в Яренске Учительского съезда, где рассматривались и политические вопросы. Учителя Яренского уезда в этот период практически все стояли на платформе эсеровской партии. В эти же дни состоялся в Яренске уездный партийный съезд эсеров, в котором А.С. Сидоров также принял участие. Председателем съезда являлся С.П. Гулынин, секретарями Г.С. Тырина и А.А. Айбабин. На повестку дня были вынесены семь вопросов, в том числе «Основные положения программы социалистов-революционеров», «Избирательная кампания в Учредительное собрание», «Организация партийной работы», «Выборы нового состава президиума» и др. На выборах в уездный комитет ПСР председателем его стал А.А. Черепанов, городскую организацию возглавил Н.П. Зиновьев. Яренские эсеры занимали многие посты в уездных органах власти. Например, А.А. Черепанов входил в состав Яренского УВК, эсер Н.П. Зиновьев возглавлял Яренскую уездную Земскую управу. Яренская уездная организация ПСР выступила инициатором созыва не

только первого, но и второго съезда Советов крестьянских депутатов Яренского уезда в августе 1917 г. Крестьянские съезды в августе 1917 г. по стране решали самые различные вопросы: от принятия резолюций в поддержку Временного правительства и обсуждения вопроса о земле до выдвижения кандидатов в Учредительное собрание. Кандидатский список ПСР на выборах в Учредительное собрание по Вологодской губернии был составлен совместно с Советом крестьянских депутатов. В него входило 10 человек: трое от ПСР (С.С. Маслов, П.А. Сорокин, А.Д. Карякин), остальные – от Совета крестьянских депутатов. Усть-Сысольский и Яренский уездные съезды крестьянских депутатов отказались от выдвижения собственных кандидатур, высказавшись в поддержку П.А. Сорокина – уроженца Коми края, уже выдвинутого вологодской губернской организацией ПСР. Делегатом крестьян от Палевицкой волости на съезде был вновь А.С. Сидоров. После утверждения кандидатских списков Архангельской и Вологодской избирательными комиссиями по выборам в Учредительное собрание эсеры на местах развернули мощную агитационную кампанию в поддержку своих кандидатов. Стремясь закончить Вологодский учительский институт, А.С. Сидоров выехал вскоре в Вологду продолжить образование, и не принимал более участия в политических делах уезда. Однако уже в Вологде он продолжал заниматься политической деятельностью, приняв участие в работе ряда губернских съездов, где продолжал отстаивать политическую платформу ПСР.

В январе 1918 г. большевики распустили избранное Учредительное собрание, провозгласив советскую власть в стране. В Коми крае также стало разворачиваться «триумфальное шествие советской власти», как отмечала раньше советская историография. Состоявшийся в феврале (по нов. ст. в марте) 1918 г. III съезд Советов крестьянских депутатов Яренского уезда принял двойственное решение в этот политический момент: большинством голосов делегаты съезда высказались в поддержку Учредительного собрания и в то же время, как это ни парадоксально, съезд провозгласил и советскую власть на территории уезда. Одна из резолюций съезда гласила: «Полнейшая разруха в стране, голод, окончательное разложение армии и, как последствия этого – заключение позорнейшего мира с Германией, являются факторами текущего момента. Требуется немедленный созыв Учредительного собрания, которое одно в состоянии прекратить братскую войну между народами России, внести успокоение в стране, сохранить завоевание свободы и устранить те неисчислимы бедствия, которые причинены России заключением позорнейшего мира». Вторая резолюция съезда провозглашала: «Вся власть Советам крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и народным комиссарам!».

Получив в марте 1918 г. аттестат Вологодского учительского института, А.С. Сидоров вернулся в Яренск. В июне 1918 г. он принял участие в работе четвертого съезда Советов Яренского уезда, по-прежнему поддерживая

ПСР. На съезде столкнулись интересы всех партий, существующих в этом момент в уезде: эсеров, левых эсеров, народных социалистов и большевиков. Представители ПСР на этом съезде выступили с заявлением, что «партии большевиков и левых эсеров создали диктатуру в стране», о «несбыточности обещаний большевиков» и что «... хозяином Земли Русской является Учредительное собрание». Большинством голосов делегаты съезда одобрили резолюцию «объединиться вокруг Советов, как единственных выразителей и защитников народной воли, и всеми силами активно поддерживать Советскую власть и все ее мероприятия». Съезд принял решение о ликвидации земства на территории уезда и преобразовании его в отдел народного хозяйства Совдепа. В то же время не был утвержден на съезде Декрет ВЦИК от 27 мая 1918 г. об организации продовольственного дела (в частности, создание продотрядов). Съезд принял также резолюцию, допускающую возможность игнорирования впредь любого декрета ВЦИК по продовольственному вопросу в Яренском уезде.

А.С. Сидоров был избран в состав яренского уездисполкома. Выбранный съездом уездисполком оказался многопартийным по своему составу: Д.И. Козлов – председатель (анархист-коллективист), Н.В. Димов – тов. председателя (левый эсер), К.И. Ворсин – секретарь (левый эсер), И.П. Митрошин – комиссар продовольствия (левый эсер), Г.М. Васев – комиссар местного самоуправления (левый эсер), Д.А. Батиев – тов. комиссара местного самоуправления (левый эсер), И.А. Бронников – комиссар юстиции (левый эсер), А.А. Соколов – комиссар финансов (народный социалист), А.Н. Головушкин – комиссар социального обеспечения (социалист-демократ (интернационалист), Н.П. Зиновьев – комиссар отдела народного хозяйства (эсер), А.С. Сидоров – комиссар народного образования (эсер), Ф.С. Кокочкин – военный комиссар (левый эсер), А.А. Айбабин – комиссар земледелия (левый эсер). В состав яренского уездисполкома не вошел ни один большевик, из девяти комиссаров четверо были левыми эсерами, остальные представляли ПСР, народных социалистов и РСДРП (интернационалистов). В июне 1918 г. в Яренске прошла многолюдная двухчасовая публичная лекция «по текущему моменту» видного политического деятеля, экс-депутата Учредительного собрания, члена ЦК ПСР П.А. Сорокина. Это был довольно смелый в политическом плане поступок П.А. Сорокина, которого уже начинали разыскивать по стране органы ЧК, как противника советской власти и кандидата в министры антибольшевистской Северной области. Выступавший призвал слушателей «забыть все партийные счета ... организовать единую партию свободной, независимой, демократической России... и созвать новое временное Учредительное собрание на справедливых началах». А.С. Сидоров присутствовал на лекции уже в качестве советского комиссара. Осенью 1918 г. П.А. Сорокин скрывался от советской власти в лесах Ярен-

ского уезда и Северо-Двинской губернии. Есть версия, что товарищем в его лесных походах был А.С. Сидоров, но она пока документально ничем не подкреплена.

Разгоравшаяся на Севере гражданская война внесла свои коррективы в политическую биографию А.С. Сидорова. 14 сентября 1918 г. в Яренск прибыла комиссия ЧК из Котласа, которая под руководством Р.С. Землячки и при помощи местных большевиков произвела аресты председателя уездисполкома Д.И. Козлова и еще пяти членов Совета, не являвшихся большевиками – И.П. Митрошина, С.И. Митрошина, А.А. Айбабина, А.А. Соколова и Е.М. Едемского. Арестованы были также редактор «Яренской газеты» С.П. Гулынин и хозяин местной типографии. Всех арестованных под конвоем отправили в Котлас. Оставшиеся на свободе представители небольшевистских организаций временно потеряли место работы (например, Н.П. Зиновьев, Г.М. Васев и А.С. Сидоров были исключены из состава педсовета Яренского высшего начального училища). На освободившиеся места в Яренский Совдеп кооптировали большевиков. В выпущенном к населению воззвании коротко объявлялось о низложении эсеро-меньшевистской власти в городе, поддержании порядка и создании оргбюро для подготовки выборов в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в составе П.И. Покровского, А.И. Алябышева и А.И. Хуппонена-Мурзина. «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» в номере от 20 сентября 1918 г. определили произошедшее как «Яренскую Октябрьскую революцию». Начался распад всех небольшевистских партийных организаций по стране, самоликвидировалась яренская уездная организация ПСР. Немалую роль в распаде коммунистических организаций на местах сыграло покаянное письмо П.А. Сорокина, опубликованное в великоустюжской газете «Крестьянские и Рабочие Думы» в номере от 29 октября 1918 г. К этому времени П.А. Сорокин содержался в великоустюжской тюрьме, как активный враг советской власти. Как известно, благодаря именно этому письму П.А. Сорокину была сохранена жизнь по указанию В.И. Ленина. Открывшийся 1 октября 1918 г. V Чрезвычайный съезд Советов Яренского уезда одобрил действия комиссии ЧК и местной организации РКП(б) по реорганизации уездисполкома, высказался за «организованный красный террор в ответ на жалкий белый террор трусливого врага». Из 67 делегатов съезда 58 человек являлись коммунистами. К этому времени А.С. Сидоров полностью отошел от политической деятельности, сосредоточившись на культурно-просветительской работе.

Именно 1918 год Алексей Семенович считал годом начала своей научно-исследовательской деятельности. В 1919–1920 гг. А.С. Сидоров преподавал в Айкино и Яренске, не оставляя и исследовательской работы. С 1921 г. он руководил первым коми вузом – Институтом народного образования, преподавал в нем.

В период работы в институте Алексей Семенович стал активно заниматься научной работой – особенно после создания в мае 1922 г. знаменитого Общества изучения Коми края, так много сделавшего для развития науки и культуры в Коми. Алексей Семенович был одним из организаторов и лидеров общества. 16 мая 1922 г. группа усть-сысольских интеллигентов во главе с А.С. Сидоровым, «осознавших, – по их словам, – ...важность краеведческой работы», организовала Общество изучения Коми края, вскоре ставшее центром научно-исследовательской деятельности в Коми области. Среди десяти членов-учредителей общества был, естественно, и А.С. Сидоров. Краеведы видели свои задачи во «всестороннем изучении Коми области» и «распространении знаний среди трудящихся».

Алексей Семенович был избран членом правления ОИКК, заместителем председателя общества, с 1924 по 1926 г. входил в редколлегию популярного краеведческого журнала «Коми му», редактировал его краеведческий отдел. В 1925 г. состоялась первая Коми областная краеведческая конференция, на которой А.С. Сидоров являлся одним из руководителей краеведческой секции. На конференции было избрано областное бюро краеведения. Его секретарем стал Алексей Семенович. Он вошел в комиссию по изучению производительных сил края, где руководил вопросами изучения культуры. В 1926–1927 гг. Алексей Семенович являлся также членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения, располагавшегося в Москве.

А.С. Сидоров активно занимался пополнением научной библиотеки общества, закупал для нее книги в Москве и Ленинграде. Из закрытого к этому времени Ульяновского монастыря в 1924 г. он привез извлеченные им из подвалов «20 мешков книг» («около 70 пудов»), сообщив, что из-за равнодушия местных властей к бережно собиравшейся монахами библиотеке после ликвидации обители немало ценных книг утрачено. А.С. Сидоров также занимался сбором экспонатов для музея. Из того же Ульяновского монастыря он привез 134 «церковных предмета», которым угрожала участь быть расхищенными и утраченными. Среди них была «икона Стефана Пермского с частью мощей его в металлической оправе».

Посещая различные уголки Коми края, А.С. Сидоров знакомился с работой местных краеведческих кружков и отделений общества. В частности, он отмечал «деловой подход к работе... у глотовского кружка (при глотовской школе)», айкинского кружка, где молодежь организовала метеорологические наблюдения, работу помоздинских краеведов, создавших в селе свой музей. Сам Алексей Семенович руководил кружком при усть-сысольском педтехникуме. Этот кружок являлся, в сущности, опорой общества. Здесь разрабатывались различные программы по изучению родного края для студентов и школьников. Сам Алексей Семенович вместе с коллегами подготовил и распространил, в частности, программы по историко-этнографическому изуче-

нию и изучению терминов родства. Эта методическая работа в период становления коми краеведения являлась исключительно важной. Кроме того, он состоял в методическом бюро при областном отделе народного образования, участвовал в составлении программ и планов для учебных заведений.

В 1926 г. А.С. Сидоров уехал в Ленинград, стажировался в Институте языка и мышления АН СССР и Академии истории материальной культуры, преподавал в пединституте. В 1927 г. он выдвинул предложение об организации в Коми АО научно-исследовательского института и о комплексном исследовании области Академией наук СССР при активном участии местных краеведов. В 1929–1930 гг. А.С. Сидоров разработал проект положения о Коми краеведческом научно-исследовательском институте, целью которого должна была быть «планомерная работа по поднятию культуры и хозяйства Коми области». Эту работу, полагал А.С. Сидоров, следует вести в двух направлениях: 1) «изучение естественных производственных сил» (фауны, флоры, почв, недр, климата) и 2) изучение языка, фольклора и материальной культуры и быта коми и ненцев, истории этих народов. Идеи А.С. Сидорова осуществились в 1930–1940-е гг.

Алексея Семеновича по праву можно назвать гуманитарием-энциклопедистом. Он внес заметный вклад в изучение средневековой археологии Вычегодского края, открыв ряд археологических памятников и написав ряд работ по археологии, в которых сделаны важные выводы о расселении древних коми. В 1928 г. вышла книга А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», содержащая уникальные данные о народной медицине коми, различных обрядах, суевериях и т.п. Эта книга и другие публикации А.С. Сидорова благодаря богатству и оригинальности этнографического материала, собранного им лично, остаются ценнейшим источником. Большое внимание он уделял собиранию коми пословиц, загадок и примет. А.С. Сидоров внес огромный вклад в открытие и исследование творчества основоположника коми литературы И.А. Куратова, подготовил к изданию собрание его сочинений.

На страницах печатных изданий, на конференциях в 1920–1930-е гг. велись оживленные дискуссии о коми алфавите, о литературных нормах коми языка и по другим проблемам. Ведущую роль среди лингвистических публикаций играли работы В.И. Лыткина, В.А. Молодцова и, конечно, А.С. Сидорова (подробный анализ лингвистической деятельности провели коми языковеды Г.В. Федюнева и Е.А. Цыпанов (См.: Сидоров А.С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 5–22; Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995. С. 33–40).

В начале 1930-х гг. над головой ученого сгустились тучи. Краеведческое движение, основоположником которого, в сущности, являлся А.С. Сидоров, было разгромлено. Обществу изучения Коми края пришлось само-

распуститься в 1931 г. Закрыли журнал «Коми му», объявленный «органом пропаганды националистических и кулацких идей», а некоторых ученых и краеведов, коллег А.С. Сидорова, провозгласили «буржуазными националистами», «финскими шпионами» и арестовали. А.С. Сидоров, с 1932 г. работавший в Коми пединституте и Коми научно-исследовательском институте, уехал в Ленинград (по данным историка Э.В. Ротгэ, это произошло в 1935 г.), опасаясь за свою судьбу – и не без оснований. В 1935 г. местная печать обвинила его в том, что он «явно контрреволюционный кулацкий буржуазный националист»... Сам руководитель Севкрайкома ВКП(б) (в состав Северного края входила тогда и Коми область) Д.А. Конторин заявил, что в учебнике А.С. Сидорова по коми языку «имеются места, которые угрожают тем, кто тронет кулака. И тем не менее этот учебник продается... Виновные не привлечены к ответственности». Критику высокого начальства тут же подхватили.

Один из местных лингвистов разразился антисидоровской статьей: «Под видом учебника преподносится антипартийный хлам с явно националистической установкой, деморализующе-пессимистическим содержанием... Книга имеет антипартийные установки, выраженные примерами, ...поговорками и пословицами... Например, «испытало сердце радость – обратно наступила печаль...» Автор ориентирует учащихся назад, к далекому прошлому, где «была радость», а теперь осталась лишь одна печаль. Почему? Да потому, что для автора хорошая жизнь где-то в прошлом, а в настоящем он ее не видит... Вот целый букет... «Дерево это с виду красиво, но сердцевина гнилая...», «Гребу, гребу, но вперед несколько не двигаюсь». И тут... пессимизм и враждебность, выражающаяся в том, что если с виду и красиво у нас, то сердцевина гнилая и хоть сколько ни греби, вперед не двинешься и т.д.» Эта публикация с ее явной тенденциозностью, надуманностью обвинений, высосанными из пальца «аргументами», сегодня вызывает ощущение ирреальности. Поистине, это было бы смешно, если бы не было так грустно: в этой статье отразился дух того времени, проникнутого подозрительностью, угрозами, возникающими из ничего обвинениями в самых страшных преступлениях. Учебник изъят из употребления...

Отъезд в Ленинград лишь отсрочил трагическую развязку. В ночь на 21 сентября 1937 г. А.С. Сидорова арестовали. Его дочери, тогда еще маленькой, запомнилось, как проводившие обыск чекисты охапками швыряли на пол вынутые из шкафов книги – искали «подрывную литературу» (слава богу, что не признали таковой собрание сочинений основоположника коми литературы И.А. Куратова, которое готовил к изданию Алексей Семенович, и оно все же было издано уже после ареста Сидорова; вот только фамилия оказавшегося «врагом народа» составителя там не упоминалась...).

Начались бесконечные хождения родных А.С. Сидорова по ленинградским тюрьмам в попытке узнать что-нибудь о его судьбе. Чтобы получить

хоть какую-то информацию, приходилось подолгу стоять в огромных очередях, состоящих из таких же жен, дочерей и других родственников арестованных. В тюрьмах было тесно от ученых, писателей, рабочих, крестьян, военных, студентов, попавших в «ежовые рукавицы» любимого сталинского наркома. В конце концов удалось выяснить, что Алексей Семенович еще жив и находится в лагере, отбывая срок за «контрреволюционную агитацию». 9 февраля 1940 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило ученого к трем годам заключения в лагере «за участие в антисоветской организации». Он был отправлен в Каргопольский лагерь, из которого освобожден осенью 1940 г. (Подробнее о следствии по делу А.С. Сидорова можно прочитать в книге В.М. Полещикова «За семью печатями», изданной Коми книжным издательством в 1995 г.). В сталинских лагерях погибли коллеги и знакомые А.С. Сидорова – лингвист В.А. Молодцов, краевед А.А. Чеусов и многие другие. Алексею Семеновичу посчастливилось остаться в живых, и в 1940 г. он вышел на свободу.

Лишенный права жить в Ленинграде и Москве, А.С. Сидоров некоторое время трудился подсобным рабочим в Ленинградской области, в 1941 г. вернулся на родину, кое-как подправив здоровье, устроился на сплав в Макасовскую запань. Несмотря на огромные сложности жизни, Алексей Семенович смог в том же году завершить работу над монографией «Принадлежностный строй в коми языке», начатую еще в 1935 г. В 1942 г. его приняли на работу в Коми научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и фольклора при Наркомпросе Коми АССР. В 1944 г. НИИ вошел в состав Базы АН СССР в Коми АССР (с 1949 г. – Коми филиал АН СССР) в качестве отдела. Жизнь показала, что несмотря на все ужасы репрессий, через которые довелось пройти ученому, творческий потенциал А.С. Сидорова остался чрезвычайно высоким. В 1945 г. он защитил в Петрозаводске кандидатскую, а уже через два года в Ленинграде – докторскую диссертации.

А.С. Сидоров был наиболее опытным и авторитетным ученым-гуманитарием в Коми филиале АН СССР. Он оказывал большую помощь молодым исследователям, давал консультации по различным вопросам, руководил аспирантами. Алексей Семенович не был хорошим оратором, слушать его выступления (доклады, лекции), по воспоминаниям Л.Н. Жеребцова, было трудновато, но зато он умел очень точно и ясно разъяснить суть какого-либо вопроса, вызывавшего затруднения у начинающих ученых. А.С. Сидоров помогал не только языковедам, но и работникам других специальностей, проявлял искренний интерес к их трудам. То было время становления гуманитарной академической науки в Коми АССР, специалистов было очень мало, и Алексею Семеновичу приходилось уделять внимание не только лингвистике, но и фольклористике, этнографии. Именно по его совету этнографическими исследованиями стал заниматься Л.Н. Жеребцов, ставший затем крупнейшим коми этнографом.

Но и будучи признанным ученым, А.С. Сидоров до конца жизни продолжал чувствовать определенную моральную тяжесть: клеймо «разоблаченного» и «наказанного по заслугам» «врага народа» было смыто с него лишь через год после смерти. Поэтому каждый раз для того, чтобы, например, выступить с докладом в московском институте языкознания, ему приходилось просить в милиции разрешение для временного проживания в Москве.

В начале 1953 г. А.С. Сидоров приехал в Москву для участия в защите кандидатской диссертации коми этнографа Л.Н. Жеребцова, затем остался в столице поработать в библиотеках. Чувствовал он себя неважно, а в начале марта здоровье совсем ухудшилось. 21 марта 1953 г. А.С. Сидоров скончался.

В июне 1918 г. в г. Яренске – центре Яренского уезда Вологодской губернии – по инициативе эсеров Д.А. Батиева и А.С. Сидорова организовали общество «Коми котыр» («Союз содействия материальному и духовному развитию Зырянского края»); согласно Уставу, главной задачей общества провозглашалось создание автономии Коми, особенно подчеркивалась необходимость становления коми национальной культуры. Программу деятельности «Коми котыр» («котыр» можно перевести с коми на русский язык как «общность», «объединение», «союз») составил П.А. Сорокин, специально посетивший Яренск (при попытке достичь Архангельска, где планировался белогвардейский переворот, общество фактически было его детищем. После гражданской войны и образования Коми автономной области в 1921 г. общество «Коми котыр» прекратило свою деятельность, посчитав свои задачи выполненными).

Источники и литература

В научном поиске. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991.

Жеребцов И.Л. Краеведческое движение в Коми крае в 1920–1930-х гг. // Вестник культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1990. № 1.

Жеребцов И.Л. Рост национального самосознания и изучение народной культуры коми в I трети XX в. // Народная культура Севера «первичное» и «вторичное», традиции и новации. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28–30 мая 1991 г. Архангельск: АГПИ, 1991.

Жеребцов И.Л. Репрессированные коми лингвисты // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар, 1993.

Жеребцов И.Л. Судьба ученого // Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Жеребцов И.Л. Коми интеллигенция и власть в первые послереволюционные годы // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Тезисы. Сыктывкар, 1994. Т. 2.

Жеребцов И.Л. А.С.Сидоров. Автобиография // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар: Коми НИЦ УрО РАН, 1996.

Жеребцов И.Л. Сидоров Алексей Семенович // Историко-культурный атлас Республики Коми. М.: ДиК, 1997.

Жеребцов И.Л. Клинком марксистско-ленинского анализа // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. Т. I.

Жеребцов И.Л. Судьба коми ученого // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 1999.

Жеребцов И.Л. Жизнь ученого // Связь времен. Сыктывкар, 2000.

Жеребцов И.Л. Сидоров Алексей Семенович // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000.

Жеребцов И.Л. Сидоров Алексей Семенович // Атлас Республики Коми. М.: ДИК, 2001.

Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края // Атлас Республики Коми. М.: ДИК, 2001.

Жеребцов И.Л. Время безумцев // Коми – край далекий и близкий. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.

Жеребцов И.Л. Трагедия ученого (к 110-летию со дня рождения Алексея Семеновича Сидорова) // Арт. 2002. № 4.

Жеребцов И.Л., Мацук М.А., Роцевская Л.П. 75 лет Обществу изучения Коми края. Сыктывкар, 1997.

Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Становление профессиональной этнографии в Коми (А.С. Сидоров, Г.А. Старцев) // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Стоявшие у истоков. (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. 2-е изд., доп. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Плосков И.А. Исследования по этнографии и фольклору народа коми на страницах изданий Общества изучения Коми края // Духовная и материальная культура коми. Сборник статей молодых ученых. Сыктывкар, 1989. – Депонирован в ИНИОН АН СССР 13. 06. 89 г., № 38370.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Цыпанов Е.А. и др. «Золотой век» коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Общество изучения Коми края и исследование языка народа коми // Духовная и материальная культура коми. Сборник статей молодых ученых. Сыктывкар, 1989. – Депонирован в ИНИОН АН СССР 13. 06. 89 г., № 38370.

Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Лингвистические исследования Общества изучения Коми края // Linguistica uralica. Tallinn, 1990. № 4.

Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Ыджыд ученёйлӧн туй // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1991. № 5.

Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995.

Жеребцов И.Л., Шабает Ю.П. Любомир Николаевич Жеребцов. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996.

Научный поиск продолжается. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995.

Полещиков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995.

Таскаев М.В. Политическая деятельность А.С. Сидорова в годы революции и гражданской войны // Научное наследие Алексея Семеновича Сидорова и современное гуманитарное знание. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.С. Сидорова (г. Сыктывкар, 26–27 октября 2012 г.). Сыктывкар, 2013.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ВОЗРОЖДЕННЫЙ «КОМИ КОТЫР»

Спустя более чем полвека, в 1989 г. в Сыктывкаре вновь начало функционировать коми общественно-политическое общество «Коми котыр», поставившее себе как задачу активизации общественной жизни в национальном регионе в рамках демократизации СССР, так и дальнейшее развитие коми национальной культуры. Новая организация не случайно взяла название, придуманное эсерами в далеком 1918 г., – тем самым особо подчеркивалась преемственность направлений деятельности. Учредительный съезд общества «Коми котыр» состоялся 1 декабря 1989 г., на съезде присутствовало около 400 делегатов и приглашенных. Съезд утвердил Устав общества «Коми котыр» и избрал руководящие органы, сопредседателями общества избрали Г.А. Юшкова и В.И. Осипова. В дальнейшем общество «Коми котыр» трансформировалось в движение съездов коми народа; всего к 2016 г. состоялось 11 съездов: 11–12.01.1991 г. – I Съезд коми народа, 22–23.11.1991 г. – II (чрезвычайный) Съезд коми народа, 03–04.12.1993 г. – III Съезд коми народа, 24–25.11.1995 г. – IV Съезд коми народа, 05–06.12.1997 г. – V Съезд коми народа, 27–28.10.2000 г. – VI Съезд коми народа, 12.01.2002 г. – VII (внеочередной) Съезд коми народа, 05–06.02.2002 г. – VIII Съезд коми народа, 08–09.02.2008 г. – IX Съезд коми народа, 25–26.02.2012 г. – X Съезд коми народа, 12–14.02.2016 г. – XI Съезд коми народа.

Самым значимым в истории региона стал II съезд коми народа в ноябре 1991 г., принявший Декларацию о провозглашении съезда высшим представительным форумом коми народа. Съезд исходил из того, «... что в условиях, когда сохраняется действие Конституции Коми ССР 1978 года, и наряду с этим высший орган государственной власти республики Верховный Совет Коми ССР в своей правотворческой деятельности руководствуется декларацией о государственном суверенитете Коми ССР, принятой на его сессии 29 августа 1990 года и являющейся «основой для разработки Конституции Коми ССР» (п. 17 настоящей декларации), – повсеместно возникают и все

82

более усугубляются явления, которые можно однозначно констатировать как конституционный кризис. Учитывая также всю сложность и противоречивость процесса конституционного правотворчества, обусловленного прежде всего конституционным кризисом и параличом высшей законодательной и исполнительной власти Союза ССР, а также тревожными тенденциями в процессе разработки будущей Конституции РСФСР, – съезд считает, что правовой основой для взаимоотношения с республиками является договорная практика. Съезд констатирует, что за последние десятилетия коми этнос на своей исторической родине в пределах территории нынешней Коми ССР составляет национальное меньшинство со всеми вытекающими из этого состояния последствиями в вопросах его конституционно-правовой защищенности. Такое положение не нашло никакого отражения ни в ныне действующей Конституции Коми ССР, ни в декларации о государственном суверенитете Коми ССР, создавая тем самым иллюзию «дальнейшего развития» права коми народа на национальное самоопределение, в том числе и в высшей его форме – национальной государственности. Опираясь на принципы Всеобщей декларации прав человека и исходя из общепризнанного международным правом (Международный пакт ООН о гражданских и политических правах; декларация принципов IV Генеральной ассамблеи Всемирного совета коренного населения и др.) в качестве неотъемлемого и гарантированного права народов на национальное самоопределение, – съезд заявляет о безотлагательном требовании включения необходимых гарантий реализации такого права в будущее конституционное устройство Коми ССР. Съезд считает, что: – в качестве возможных подходов для создания конституционного механизма реализации этого права в отношении коми этноса и выработки конституционных гарантий его национальной государственности необходимо осуществить реформирование высшей законодательной и исполнительной власти Коми ССР с целью: во-первых, приведения ее в соответствие с реальным положением коми этноса как национального меньшинства на своей исторической родине, являющегося в то же время источником государственности на территории Коми ССР; во-вторых, непосредственного и прямого включения решений на высшем государственном уровне. Съезд подтверждает, что наиболее эффективным в этих условиях явилось бы создание профессионального двухпалатного парламента с правом вето обеих палат, одна из которых состояла бы из депутатов коренной национальности. На уровне высшей исполнительной власти наиболее эффективным инструментом (институтом) выявления, учета и удовлетворения специфических этнических потребностей не только коми этноса, но и многонационального по своему составу населения республики должен стать Государственный комитет по делам национальностей при Совете Министров Коми ССР; – в существующих условиях необходимо потребовать от Верховного Совета

республики, чтобы разработка вопроса о конституционном механизме реализации права коми народа на национальное самоопределение осуществлялась совместно с созданной с этой целью Конституционной комиссией; – в условиях неопределенности политико-правовых гарантий самой национальной государственности коми народа, а также принимая во внимание то, что в результате правотворчества самого коми народа, состоявшимся явлением в политико-правовой жизни республики стал факт учреждения постоянно действующего съезда коми народа и его исполнительного органа Комитета возрождения коми народа, необходимо конституционно-правовое оформление данного института. Подтверждая свою приверженность общепринятым в демократическом обществе принципам построения правового государства (разделение властей, плюрализм форм собственности, гражданство и гражданские свободы и т.п.), съезд отмечает, что независимо от результатов конституционного правотворчества на уровне РСФСР и в связи с этим независимо от реализации декларации о государственном суверенитете Коми ССР неизменным конституционным правом каждого народа остается его право на национальное самоопределение. Именно из этого исходит съезд, отстаивая конституционное право коми народа на самоопределение путем дальнейшего реального развития своей государственности на своей исторической родине совместно с представителями всех национальностей, проживающих в Коми ССР».

Президиум Верховного Совета Коми ССР в феврале 1992 г. рассмотрел решения съезда и отметил, что «... съезд коми народа и Комитет возрождения коми народа как исполнительный орган съезда поставили проблемы, связанные с развитием национальной культуры коми народа и межнациональных отношений, требующие повышенного внимания государственных органов Коми ССР». Президиум ВС Коми ССР постановил: «... дополнительно проработать вопросы, связанные со статусом съезда коми народа, и внести соответствующие предложения на второй этап десятой сессии Верховного Совета Коми ССР... Внести на рассмотрение второго этапа десятой сессии Верховного Совета Коми ССР вопрос о включении в состав Комиссии по подготовке проекта новой Конституции Коми ССР представителей от Комитета возрождения коми народа». В мае 1992 г. Верховный Совет Республики Коми утвердил Закон РК «О статусе съезда коми народа», законодательно закрепляющий основные принципы функционирования съезда и его исполнительного органа – «Комитета возрождения коми народа». Тогда же Верховный Совет РК принял Закон «О государственных языках», придавший коми языку статус государственного в республике наряду с русским языком.

В процессе подготовки новой Конституции Республики Коми, инициативная группа (активисты съездов коми народа А.С. Безносиков, А.К. Коню-

хов, В.П. Марков, Е.Н. Рожкин) подготовила свой проект, где, в частности, были подняты такие вопросы, как исполнение федеральных и региональных законов на территории РК («Статья 63. 1. Законы и иные правовые акты Республики Коми не могут противоречить законам, принятым федеральными органами государственной власти в соответствии с полномочиями Российской Федерации. 2. Законы Республики Коми, принятые в пределах ее полномочий, на территории Республики Коми обладают верховенством и обязательны к исполнению всеми юридическими и физическими лицами. 3. В случае противоречия законов и иных правовых актов, принятых органами государственной власти Республики Коми в соответствии с ее полномочиями, федеральным законам, действуют правовые акты Республики Коми»), гражданство Республики Коми («Статья 9. 1. Гражданство Республики Коми приобретается и прекращается в соответствии с законом Республики Коми, является единым и равным независимо от оснований приобретения. 2. Каждый гражданин Республики Коми является одновременно гражданином Российской Федерации в соответствии с законом Республики Коми»... Статья 30. Граждане Республики Коми имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования... Статья 31. 1. Граждане Республики Коми имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. 2. Граждане Республики Коми имеют право избирать и быть избранными и в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдумах. 3. Не имеют права избирать и быть избранными граждане Республики Коми, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. 4. На государственной службе Республики Коми могут быть только граждане Республики Коми. Граждане Республики Коми имеют равный доступ к государственной службе... Статья 57. 1. Гражданин Республики Коми не может быть выслан за пределы Республики Коми. 2. Республика Коми гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами») и о Президенте Республики Коми («Статья 84. 1. Президентом Республики Коми может быть избран гражданин Республики Коми не моложе 30 лет, обладающий избирательным правом, постоянно проживающий на территории Республики Коми не менее 10 лет и владеющий двумя государственными языками - коми и русским. 2. Президент Республики Коми избирается Государственным собранием сроком на четыре года. Одно и то же лицо не может быть Президентом Республики Коми более двух сроков подряд»). Этот проект Конституции РК был отклонен депутатами Верховного Совета Республики Коми 12 созыва.

В декабре 1993 г. III съезд коми народа сделал попытку консолидации коми этноса, о чем свидетельствуют материалы съезда: «Съезд обращается к ру-

ководству Республики Коми, Коми-Пермяцкого автономного округа принять меры по дальнейшему укреплению связей между коми и коми-пермяцким народами, созданию общего культурного и экономического пространства на территории проживания всего коми народа. Для этого необходима разработка государственной программы, которая должна решать следующие задачи: – усиление контактов в области культуры, взаимный обмен творческими коллективами, программами радио и телевидения, распространение литературы и периодических изданий на национальных языках; – регулярное проведение совместных мероприятий в области литературы, национального театра, организацию выставок художников, обмен музейными экспозициями; – осуществление совместных научных программ, особенно в области изучения истории коми и коми-пермяков, традиционной культуры, коми языков; – подготовку кадров для Коми-Пермяцкого округа в высших и средних учебных заведениях Республики Коми; – обмен опытом в области национально-государственного строительства; – развитие экономических связей между Республикой Коми и Коми-Пермяцким автономным округом на основе взаимовыгодного использования природных ресурсов и имеющегося экономического потенциала; – создание транспортных связей между Республикой Коми и Коми-Пермяцким автономным округом. III съезд коми народа считает, что реализация такой программы стала бы реальным вкладом и в формирование действительно демократической многонациональной России». В 1990-е гг. в Сыктывкарском Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН функционировал Коми-Пермяцкий отдел общественных наук, базирующийся в Кудымкаре. Однако попытка III съезда коми народа о создании общего культурного и экономического пространства коми народа осталась нереализованной. В начале 2000-х гг. идея консолидации коми этноса полностью сошла на нет в силу превалирования социально-экономических проблем в регионах (среди них, например, отсутствие транспортной инфраструктуры, связывающей Республику Коми и Коми-Пермяцкий АО и др.). В 2005 г. Коми-Пермяцкий АО потерял статус субъекта Российской Федерации, был объединен с Пермской областью в Пермский край.

17 февраля 1994 г. Верховный Совет РК принял ныне действующую Конституцию Республики Коми, признающую источником государственности Республики коми народ; съезд коми народа и его исполнительный комитет получили право законодательной инициативы. Добившись столь крупных успехов в национальном движении, последующие съезды коми народа сосредоточились в основном на социально-экономических и культурных проблемах функционирования коренного этноса в регионе.

В завершение отметим, что в истории коми национального движения можно выделить четыре этапа. I этап: 1917–1921 гг. – период генезиса национального движения, приведший к созданию национальной государствен-

ности коми в составе РСФСР. II этап: 1922–1988 гг. – период национальной политики в регионе в рамках коммунистической теории «советского общества». III этап: 1989–1994 гг. – период возрождения и резкой активизации национального движения в условиях демократизации общественной жизни в стране. IV этап: с 1995 г. по настоящее время – период активного функционирования, направленного на решение социально-экономических и культурных проблем коми этноса.

Источники и литература

Документы по истории Министерства национальной политики и межнациональных отношений в Республике Коми (конец XX – начало XXI веков). Серия «Национальная политика и межнациональные отношения в Республике Коми». Т. 1 / Составители Е.Н. Рожкин, М.В. Таскаев. Сыктывкар, 2013.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Национальные движения и национально-государственное строительство в Коми // VI World Congress for Central and East European Studies: Abstracts. 29 July – 3 August 2000 Tampere, Finland. Tampere, 2000.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д. Учет интересов коренного населения – неотъемлемая часть развития федерализма // IV Конгресс этнографов и антропологов России (Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.). Тезисы докладов. М., 2001.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми: piirteitä kansallisen valtiojärjestelmän kehityksestä // Carelia. Петрозаводск, 2002. № 7.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д. Коми народ и Республика Коми в федеративной России // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.

Жеребцов И.Л. и др. Современная национальная политика Республики Коми. Библиография (2000–2004 гг.) // Модели формирования и реализации современной национальной политики Республики Коми: Проблемы и направления оптимизации. Материалы республиканской научно-практической интернет-конференции. Сыктывкар: Мин-во культуры и национальной политики Республики Коми, 2005.

История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2.

Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Формирование полиэтничной общности на Европейском Северо-Востоке // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.

Этнокультурный дискурс на изломе тысячелетия в Республике Коми (документы и материалы) / Составители Е.Н. Рожкин, М.В. Таскаев. Сыктывкар, 2014.

Содержание

Введение	3
Эсер П.А. Сорокин, «товарищ Иван»	8
Эсер Д.Я. Попов, «зырянский Милюков»	25
Эсер и большевик Д.А. Батиев, «отец Коми автономии»	32
Эсер А.С. Сидоров, организатор коми науки	70
Вместо послесловия: возрожденный «Коми котыр»	82